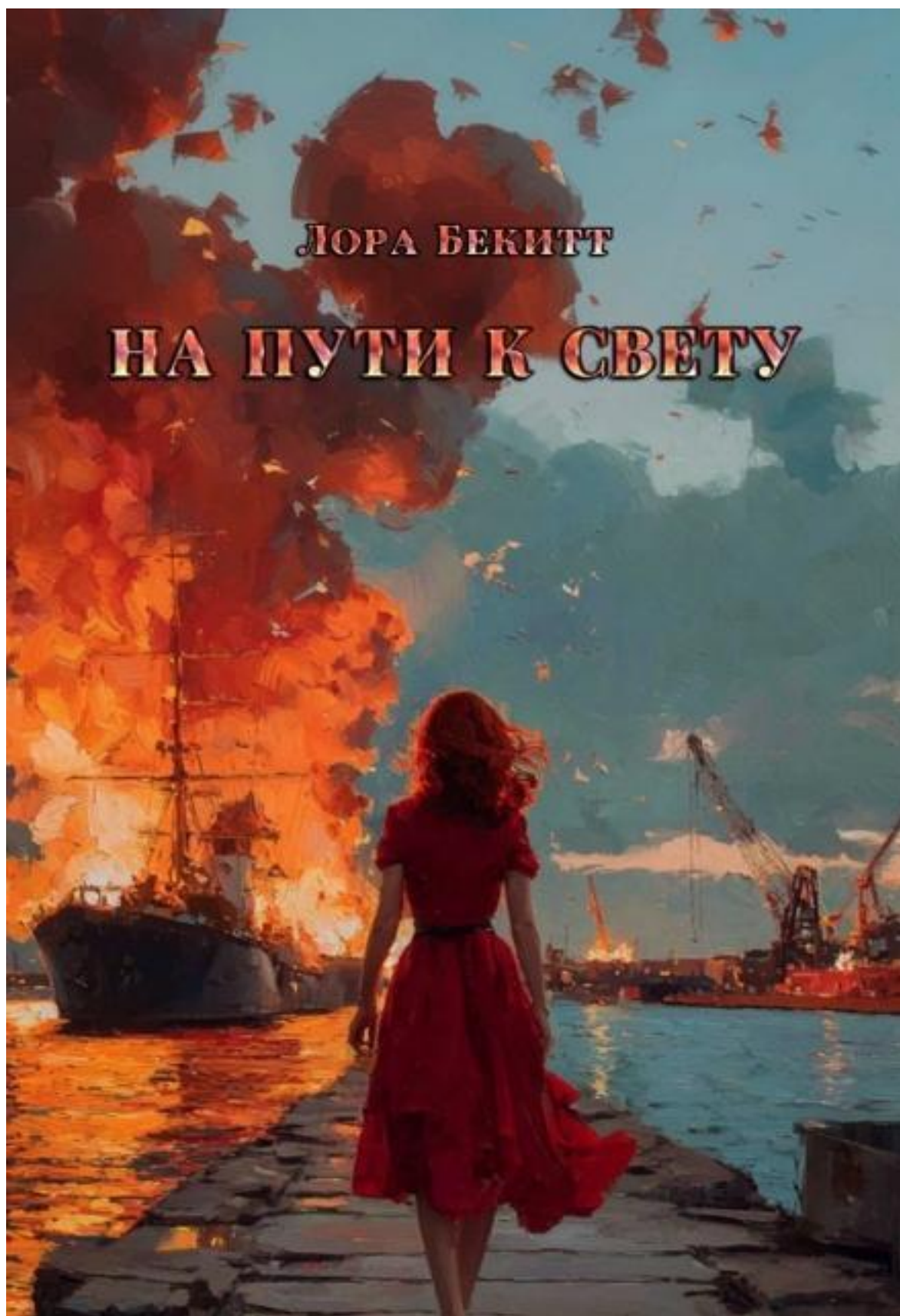

ЛОРА БЕКИТТ

НА ПУТИ К СВЕТУ

Лора Бекитт

На пути к свету

«Литнет»

2025

Бекитт Л.

На пути к свету / Л. Бекитт — «Литнет», 2025

Взрыв в гавани канадского города Галифакса 6 декабря 1917 года признан крупнейшей техногенной катастрофой 20 века. Хотя драматическое событие играет в романе важную роль, прежде всего это история о силе любви. Четверку главных героев — бедную деревенскую девушку Нелл, приехавшую в город в поисках лучшей доли, роковую красавицу Миранду, наследника большого состояния Дилана и бесшабашного парня Кермита — ждет невероятное переплетение судеб: предательство, отчаяние, обретение веры в себя на пути к долгожданному счастью.

© Бекитт Л., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	8
Глава третья	12
Глава четвертая	17
Глава пятая	21
Глава шестая	25
Глава седьмая	28
Глава восьмая	32
Глава девятая	34
Глава десятая	38
Глава одиннадцатая	42
Глава двенадцатая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Глава первая

Когда Нелл Бакер впервые увидела гавань Галифакса с грузовыми и транспортными судами, рыбацкими баркасами, множеством причалов и складских помещений, пейзаж показался ей удивительно чужим. Небо у горизонта отливало нежным перламутром, а над головой имело холодный оттенок стали. На подернутой легкой зыбью воде грациозно покачивались чайки. Повернувшись к городу, в который прибыла в надежде начать новую жизнь, Нелл смотрела на темно-красные, бледно-зеленые, белые и серые дома, прозрачные окна и тусклые крыши, куда-то спешащих людей, автомобили и экипажи.

Девушка никогда не путешествовала одна, тем более по железной дороге, и все еще ощущала себя оглушенной поездом, униженной бесцеремонными пассажирами, которые толкали ее и, случалось, делали обидные замечания. Нелл казалось, что она выглядит жалко и неприглядно. Она стыдилась своего поношенного платья и жакета, стоптанных ботинок, уродливого фанерного чемодана. Вместе с тем с первых минут приезда в Галифакс девушка ждала, что в ее судьбу вот-вот войдет нечто необыкновенное, чему она не могла придумать названия, жизненное пространство расширится до таких пределов, о коих она не смела мечтать.

Все началось с того, что одна из приятельниц Нелл, Хлоя Чапман, (она была тремя годами старше и уехала из поселка, где они жили, около двух лет назад) написала, что на одной из фабрик Галифакса, делавшей бисквиты, кексы, галеты и печенье, требуются упаковщицы. Одна лишь мысль о том, что она будет укладывать ароматное печенье в нарядные жестяные коробки, привела Нелл в восторг. Выросшая на берегу Атлантики, в одном из захолустных уголков Новой Шотландии, в рыбацком поселке, она ненавидела запах рыбы, пропитывавший одежду, волосы, и кожу, запах, от которого было невозможно избавиться, так же как и от серебристой чешуи, прилипавшей к полу и стенам жилища.

Узнав о решении дочери, Клементина Бакер принялась негодовать, в то время как Нелл молча, с ожесточением перетягивала полуразвалившийся чемодан кожаным ремнем. Из-за суровой жизни (ее муж и отец ее детей утонул пять лет назад) в сердце Клементины скопилось много горечи, и она редко была довольна Нелл, которая слишком рано начала высказывать собственное мнение. Девушка знала, что при всем желании она не смогла бы стать для Клементины лучшей дочерью, чем была, а потому старалась не обращать внимания на резкие замечания и потихоньку игнорировала запреты.

Получив письмо Хлои, Нелл принялась горячо доказывать, что в Галифаксе она сумеет заработать денег и сможет посылать какую-то часть матери и сестренке Аннели. (Из шестерых детей Клементины в живых остались только две девочки, старшая и младшая, которой недавно исполнилось семь).

Конечно, это была не вся правда. Больше всего воображение Нелл поразило сообщение Хлои о том, что та регулярно посещает танцы (сама Нелл еще не танцевала ни разу в жизни, поскольку бог весть почему, это считалось неприличным занятием), куда приходят не только солдаты, но и офицеры местного гарнизона. Разумеется, Нелл знала, что в мире идет война, однако она казалась ей чем-то очень далеким. Присутствие в Галифаксе стольких людей в зеленой форме несколько не удивляло девушку. Нелл казалось, что так и должно быть.

С тайной болью в душе она смотрела на нарядных горожанок. На многих были платья из простых и дешевых тканей, но благодаря искусному покрою они выглядели изящными. Некоторые девушки были одеты по новой моде — в блузки, юбки, пуловеры и жакеты. Нелл поразили огромные шляпы, украшенные цветами, бантами и перьями, а также маленькие круглые шапочки, кокетливо надвинутые на одну бровь. Ей казалось, что эти элегантные женщины без труда угадывают в ней провинциалку, впервые в жизни увидевшую автомобили. А еще она боялась, что не сумеет найти дом, где жила Хлоя, и ей придется ночевать на улице.

Девушка с раскаянием вспоминала слова матери: «В городах нет счастливых людей, там полным-полно потерянных душ». Если прежде Нелл убеждала себя в том, что она достаточно самостоятельна и сообразительна, чтобы без труда освоиться в Галифаксе, теперь ей чудилось, что она ничего не знает и пробирается по миру на ощупь. Она не обладала ни выдающейся внешностью, ни какими-либо талантами. Ей оставалось только вздыхать по той красоте, какой могли похвастать девушки с обложек модных журналов. Хотя ее волосы имели цвет осенних кленов, а карие глаза были яркими, как янтарь, все портила россыпь веснушек, приводивших Нелл в отчаяние.

Хлоя писала, что живет в районе, который называется Ричмонд, в большом пансионе, где на первом этаже в общей комнате подают завтраки. Она не сообщила Нелл, смогут ли они снимать комнату вместе, но девушка надеялась, что подруга оставит ее у себя хотя бы на первое время.

Сжимая в руках бумажку с адресом, Нелл принялась спрашивать дорогу. К счастью, прохожие отвечали доброжелательно и подробно, и вскоре ей удалось отыскать пансион. Лишь подойдя к его дверям, Нелл подумала о том, что сейчас Хлоя, скорее всего, на работе.

Делать было нечего, и Нелл отправилась в парк, который заметила еще по дороге. Когда весна окончательно вступит в свои права, Галифакс утонет в зелени, недаром он был известен, как «город деревьев». Она села на скамейку под большим вязом, открыла чемодан и достала коробочку с завтраком. У нее было с собой лишь немного хлеба и сыра, а после покупки билета в кошельке осталось всего-навсего десять центов. Медленно поедая скромный завтрак, Нелл размышляла о том, возьмут ли ее на фабрику и сколько она будет получать. Задавала себе вопрос, похожи ли здешние молодые люди на тех бесхитростных добродушных парней, которые жили в ее родном поселке и чья бесшабашная удаля зачастую граничила с застенчивостью. Они привыкли работать, не спрашивая милости ни у Господа, ни у природы, и были столь же надежными, сколь и простыми. Но ни один из них по-настоящему не нравился Нелл.

Помимо воли она вспоминала древний край, где прохладный ветер приносил запахи моря и трав, старый дом, в тесной кухне которого Клементина варила густое яблочное повидло, маленький, заросший примулами дворик со скрипучими качелями. Старшая дочь знала, что мать с ее слабым здоровьем нуждается в помощи, а Аннели еще слишком мала, чтобы позаботиться о себе. Но даже ради них Нелл не могла побороть в себе жажду перемен.

До самого вечера она то сидела в парке, то бродила вокруг пансиона и в результате смертельно устала и страшно проголодалась. На углу продавали горячие сосиски, но Нелл боялась потратить последние деньги (кто знает, как ее встретит Хлоя!) и поэтому терпела.

Наконец, в начале седьмого она увидела нескончаемую процессию рабочих и работниц, текущую из фабричного района. Боясь пропустить появление подруги, Нелл подошла к дверям пансиона. Хлоя появилась в стайке смеющихся девушек. Она так сильно изменилась, что Нелл едва ее узнала. Отделанная кожей шляпка, пальто в яркую клетку, новые ботинки с модной шнуровкой. Она стала стройнее и как будто выше ростом. К счастью, Хлоя приветливо встретила Нелл и сразу пригласила ее в свою комнату.

— Я попрошу хозяйку, чтобы она позволила тебе заночевать в пансионе, — сказала она, и у Нелл отлегло от сердца.

Здание пансиона выглядело старомодным и мрачным. Комнатка, которую занимала Хлоя, оказалась крохотной, но уютной. Отблески заката окрасили старую мебель, оклеенные дешевыми обоями стены и потолок, покрытый паутиной трещин, в теплые розоватые тона. Занимаясь приготовлением нехитрого ужина, Хлоя непрерывно болтала. Она не расспрашивала Нелл о родном поселке, зато много говорила о жизни в Галифаксе:

— Некоторые считают, что здесь ничего не происходит, но на самом деле это не так. Кругом столько интересного! Получить место на фабрике Макдаффа совсем не трудно, там

как раз нужны упаковщицы. Завтра отправишься вместе со мной, и я покажу, как пройти в контору.

— А сколько там платят? — осмелилась спросить Нелл.

— Ты будешь получать не меньше пяти долларов в неделю, хотя не считай, что это много: сперва я тоже так думала! Здесь тебе понадобится куча новых вещей, захочется развлечься, к тому же придется снимать жилье.

— А где его найти? У меня осталось только десять центов.

— Пока ты ничего не заработала, можешь пожить в моей комнате, а после что-то найдешь, хотя бы даже в этом пансионе, — великодушно промолвила Хлоя и продолжила рассказывать о своей жизни: — По воскресеньям мы не работаем, и я хожу на танцы, а иногда в кино. Здесь есть дансинги, но туда пускают за деньги, а вот когда танцы устраивают в гавани, на каком-нибудь корабле, девушки проходят бесплатно. В Галифаксе большой гарнизон; я тебе писала о том, что такие вечера посещают даже офицеры.

— И как они относятся к фабричным работницам?

Хлоя пожала плечами.

— Конечно, есть и такие, кто смотрит на нас свысока, как на людей второго сорта. Просто надо уметь выбирать кавалеров! К тому же зачастую местные девушки не ходят на танцы, потому что им запрещают родители, а такие, как мы, сами себе хозяева!

— Я не умею танцевать, — призналась Нелл.

— Это дело нехитрое. Я научу тебя в два счета!

— У меня нет хорошей одежды.

— Я одолжу тебе одно из своих платьев, а когда заработаешь денег, купишь себе все, что захочешь. В Галифаксе полно магазинов, и чтобы хорошо одеться, вовсе не обязательно приобретать что-то дорогое.

Хлоя сняла с переносной газовой плитки сковородку с яичницей, и они сели за стол.

— Я не всегда готовлю дома, иногда захожу куда-нибудь перекусить. А еще лучше, если кто-нибудь пригласит поужинать.

Нелл поняла, что Хлоя имеет в виду поклонников, но не рискнула спросить, есть ли у подруги постоянный приятель. Она боялась стать лишней в жизни этой девушки, между тем больше ей пока что не на кого было рассчитывать. В ее душе в очередной раз проснулись угрызения совести, и она сказала:

— Мне было нелегко оставить мать и Аннели, и я все время думаю о том, что...

— Брось! — перебила Хлоя. — В городе тебя ждет совершенно иная жизнь. В конце концов, кто-то предпочитает землю, а кто-то — парус на горизонте. Сколько времени ты копила на билет? Можешь не отвечать, я знаю. А здесь ты вернешь эти деньги, проработав пару недель!

Вволю наговорившись, они легли спать. Хлоя занимала мансардное помещение, вдобавок напротив не было зданий, поэтому необходимость в занавесках отпадала, и Нелл могла видеть постепенно гаснущее небо с тонким, как ноготь, серпом раннего месяца и редкими проблесками звезд, к которым поднимался дым корабельных топок. Гавань Галифакса не замерзала зимой, а работа в ней продолжалась не только днем, но и ночью при ярком свете дуговых ламп. Нелл понимала, почему Хлоя сказала о парусах. Жить близ порта означало находиться на перекрестке множества различных дорог, даже оставаясь на месте, ощущать бесконечное движение, способное вызывать и поддерживать в душе восторженное смятение и страсть к переменам.

Глава вторая

Утром Нелл проснулась засветло. Она спала на удивление крепко, ей ничего не снилось, и теперь она чувствовала себя отдохнувшей. Хлоя тоже выглядела бодрой; она сказала, что надо поторопиться, и великодушно пообещала поделиться с Нелл своим завтраком. Девушка с невольной завистью следила за тем, как подруга собирается на работу. Та умела грациозным движением откидывать волосы назад так, чтобы они струились по спине, а после столь же непринужденно и ловко закалывать непослушные пряди. Нелл сказала себе, что ей надо многому научиться и многое перенять у Хлои или у кого-то еще. Она решила надеть скромное платье цвета ржавчины, гармонировавшее с рыжими волосами, и подруга одобрила ее выбор.

Завтрак проходил за длинным столом в молчаливой компании, где были и женщины, и мужчины, в основном фабричные работники или конторские служащие. Подавали овсяную кашу, хлеб с вареньем и маслом и жидкий чай. Нелл с аппетитом съела все, чем поделилась подруга.

Когда они вышли на воздух, Хлоя вновь принялась рассказывать о городской жизни, тогда как взор Нелл был прикован к гавани. На море опустился белый, как молоко, туман. В этом мареве корабли перекликались гудками, и воздух упруго дрожал, а временами, казалось, разрывался от громких протяжных звуков. Еще не отдавая себе в этом отчета, Нелл чувствовала, что эта гавань станет гаванью ее судьбы, неким магнитом, притягивающим желанные перемены, именно отсюда начнется отсчет ее нового пути.

Из экономии, а также чтобы подышать свежим воздухом, показать себя и поглазеть на толпу, Хлоя всегда ходила на работу пешком. Очень скоро они с Нелл стали частью потока людей, направлявшихся в промышленные районы города. Разумеется, прежде всего Нелл интересовала молодежь, хотя она не могла не заметить множество пожилых изможденных женщин, по-видимому, идущих туда же, куда и они с подругой. Кое-кто из молодых людей пытался заговорить с наиболее симпатичными девушками, но, к чести Хлои, она не отвечала на эти заигрывания. Она не жаловала фабричных рабочих, считая их пустомелями. Насколько поняла Нелл, подруга благоволила к военным, хотя Хлоя сразу предупредила, что и тут надо держать ухо востро:

— Многие из них перед отправкой на фронт готовы надавать таких обещаний, что у девушки определенно закружится голова! Хотя тебе нечего беспокоиться: я всех здесь знаю и всегда подскажу, с кем не стоит связываться.

Нелл в который раз возблагодарила Небеса за то, что они послали ей такую смышленную подругу (которая была вовсе не против покрасоваться перед менее опытной товаркой). Хотя сейчас Нелл куда больше волновали не отношения с мужчинами, а предстоящее собеседование. А если она допустит какой-то промах? А вдруг ее сочтут деревенщиной, непригодной для такой работы?! Заметив, что у подруги в буквальном смысле слова трясутся поджилки, и желая рассеять ее сомнения, Хлоя небрежно произнесла:

— Не робей! Тебе не станут задавать сложных вопросов. В лучшем случае поинтересуются, откуда ты и кто твои родители. Упаковщица для них все равно что машина, никого не волнуют ее ум и чувства.

Фабрика представляла собой огромное здание с множеством переходов, окон, ворот и дверей. Показав, где находится контора, Хлоя поспешила на свое рабочее место; девушки договорились встретиться в шесть вечера возле главных ворот фабрики.

К неожиданности и растерянности Нелл, она оказалась не единственной, кто желал поступить на работу: в коридоре столпилось около двадцати девушек и женщин. Заметив прямые бесцеремонные взгляды, Нелл попыталась напустить на себя безразличный вид, хотя при этом ее щеки пылали так, что краска даже скрыла веснушки. Вопреки обнадеживающим сло-

вам Хлои, в душе Нелл медленно, но неуклонно росла паника. Наверняка все догадываются, что она — чистый лист, на котором можно начать писать что угодно.

Собственно, так оно и было. Предостережения и увещевания, какими мать осыпала Нелл перед отъездом, благополучно выветрились из ее души. И дело было не только в том, что, как говорила Хлоя, местные девушки находились под опекой родителей, а приезжим удалось от нее ускользнуть. Просто ни мать, ни даже священник не могли толком объяснить, с чем связаны те или иные запреты. Почему девушке нельзя жить в городе одной или даже с подругой и работать на фабрике? Отчего она не должна учиться танцевать и что плохого в том, чтобы принимать ухаживания молодых людей? Нелл ощущала себя неспособной самостоятельно мыслить и принимать решения. В семнадцать лет она все еще была куском воска, глиной в руках если не Создателя, то судьбы. Она совсем не знала себя и только чувствовала, что ей не нравится прежняя жизнь. Ее душу переполняли желания, однако Нелл не могла сказать, чего она больше хочет: хорошего заработка, уважения окружающих, верной дружбы или... любви?

Она едва не пропустила свою очередь; благо одна из девушек подтолкнула ее в спину. Чувствуя слабость в коленях и звон в ушах, Нелл робко вошла в помещение. Ее подозвали к столу и задали несколько вопросов. Если бы ей предложили проявить какие-то способности, она бы не справилась. К счастью, как предрекала Хлоя, у нее лишь захотели узнать, сколько ей лет, где она живет (Нелл назвала адрес пансиона) и работала ли она где-нибудь прежде. Потом ей сообщили, что она принята, и велели подождать в коридоре, а через четверть часа Нелл уже шла вместе с другими девушками за строгой женщиной средних лет, которая должна была объяснить новеньким их обязанности.

Нелл было интересно увидеть фабрику, что называется, изнутри. Девушкам пришлось идти гуськом по узкому проходу мимо стальных поддонов с бисквитами, пробираться сквозь нагромождения тележек, корзин, деревянных ящиков и картонных коробок. Нелл оглушил шум погрузочных машин, грохот ленточного конвейера и вращающихся печей. Здесь никто ни на кого не смотрел и ни с кем не разговаривал, все были поглощены работой. Новеньким было сказано, что они должны выполнять все указания мастера. Каждой был выделен шкафчик, где они могли оставить свои вещи.

Нелл пришлось на время забыть свою мечту о печеньях в красивых жестянках, расписанных сценами из райских снов. Ей, как и большинству новеньких, поручили укладывать галеты в большие картонные коробки, предназначенные для отправки в Европу, на фронта Первой мировой войны. Есть галеты запрещалось. Отвлекаться на разговоры — тоже.

Нелл взялась за работу со всем усердием. Сам по себе этот труд не требовал никаких умственных усилий, но был организован так, что девушкам приходилось соблюдать определенную скорость. Впервые очутившись в подобной обстановке, почти все новички терялись, но Нелл твердо решила, что ничто не сможет выбить ее из колеи. В конце концов, волю и храбрость выковывают именно трудности: об этом она знала с детства.

К полудню она очень устала. Каждый мускул болел, сердце часто билось, в жарком помещении было нечем дышать, и все-таки Нелл не решалась остановиться ни на минуту. Когда ей начало чудиться, будто она окончательно потеряла связь с окружающим миром, откуда-то издали донесся звон колокола, означавший, что наступил перерыв. Немедленно послышались болтовня и смех. Большинство девушек и женщин направились туда, где стояли скамьи и шкафчики и можно было сесть и перекусить. Многие доставали из коробок и свертков нехитрые сэндвичи, которые запивали водой, холодным чаем или молоком. Нелл не позаботилась об обеде, и Хлоя, как видно, тоже забыла о том, что днем подруга проголодается. Нелл уже хотела вернуться в цех, дабы не соблазняться аппетитными запахами и видом еды, как вдруг одна из девушек сказала:

— Садись рядом со мной. Вижу, у тебя ничего нет? Не беспокойся, я тебя угощу.

Нелл села, смущенная ее бесцеремонностью и одновременно исполненная благодарности за заботу.

— Как тебя зовут? — спросила девушка, подавая ей половину своего бутерброда.

— Нелл. Большое спасибо!

— А меня Сиена. Не стоит благодарности. Когда-то я тоже была новенькой и точно так же едва не осталась без обеда, а все потому, что у меня не было денег.

Нелл с жадностью принялась за еду, думая о том, какое красивое имя носит эта отзывчивая девушка. Тогда она еще не знала, что оно ненастоящее, фальшивое, так же, как и все, что рассказала о себе ее новая знакомая в ближайшие четверть часа. У большинства фабричных работниц была своя выдуманная история. Это служило оправданием того, почему они очутились именно здесь, не добившись от жизни ничего лучшего. Нелл хотелось побольше узнать о фабрике, и в конце перерыва она спросила:

— А здешний хозяин добрый?

— Не знаю, — усмехнувшись, сказала Сиена. — Добрый он или злой, нам от этого ни холодно ни жарко! За те три года, что я работаю на фабрике, я видела его от силы два раза.

— Тебе нравится Галифакс?

— Да, только он очень маленький. Скажем, если попадаешь в переделку, все сразу об этом узнают.

Не понимая, что имеет в виду ее новая знакомая, Нелл только пожала плечами.

— Я остановилась у подруги, — сказала она после. — Мы из одного поселка. Ее зовут Хлоя Чапман. Ты с ней знакома?

— Нет.

— Хлоя часто бывает на танцах, которые устраивают в гавани, — рискнула сказать Нелл. Сиена не удивилась.

— Туда ходит почти вся фабрика.

— И ты тоже?

— Да, — ответила Сиена, — и я тоже.

После перерыва они встали рядом и время от времени перекидывались словом. Они волокли по проходу очередную коробку, когда внезапно очутившийся рядом мастер прошипел:

— Отойдите в сторону! Сюда идет хозяин!

Сиена выпрямилась и как ни в чем не бывало вытерла рукавом потный лоб.

— Смотри, — спокойно сказала она Нелл, — тебе повезло. Сейчас ты увидишь господ бога.

Мимо сложенных штабелями колобок шла группа мужчин. Было трудно догадаться, кто из них Грегори Макдафф, все они выглядели представительными, властными и серьезными. Внезапно возникшее видение показалось Нелл возвышенным, почти священным. И хотя никто из мужчин не обратил на нее ни малейшего внимания, ее сердце громко забилося.

— Рядом с хозяином, наверное, был его сын? Говорят, он совсем недавно вернулся в Галифакс, — сказала одна из девушек, а другая добавила: — Какой красивый!

— А я его не разглядела, — расстроено произнесла Нелл, что вызвало у Сиены горький и едкий смех.

— Разве это важно? В любом случае он женится на наследнице большого состояния, а не на такой, как ты!

Нелл не обиделась. Сиена была права. Девушка хорошо помнила слова матери: «Не мечтай о многом, иначе ничего не получишь».

После работы она, как и было условлено, подождала Хлою возле главных ворот. Та сразу поинтересовалась:

— И сколько ты будешь получать?

— Кажется, пять долларов в неделю.

— Отлично! И это только начало.

— Сегодня я видела хозяина и его сына, только как следует не разглядела ни того, ни другого, — поделилась Нелл и спросила: — Ты знаешь, как его зовут?

— Хозяина? Грегори Макдафф. Его имя есть на вывеске.

— А сына?

— Понятия не имею. Эти люди далеки от нас, как луна от земли.

Как и утром, они шли вдоль причалов, дерзко врывавшихся в бесконечность моря, и Нелл вдыхала резкие тревожные запахи, запахи свободы и надежды. Как ни были огромны и тяжелы стоявшие на рейде корабли, они казались ей птицами, готовыми вот-вот расправить крылья и полететь. Она наблюдала за жизнью толпы так, как смотрела бы пьесу, не имея понятия о ее содержании, не зная языка, на котором ее играют, но наслаждаясь талантом актеров. Галифакс был тихим провинциальным городом, однако Нелл чудилось, будто он открыт всем ветрам. Она сразу поверила ему, как поверила бы безумному обещанию. Она мгновенно влюбилась в него, как влюбляются в суженого.

Когда они пришли домой, Хлоя отправилась к хозяйке, а вернувшись, сказала:

— Я объяснила твою ситуацию. Миссис Стритер согласилась временно оставить тебя в пансионе. Заработаешь деньги и снимешь комнату, а пока можешь пожить у меня.

Несказанно обрадованная Нелл расцеловала подругу. Воодушевленная своей удачей, она решила написать письмо матери. Все устроилось просто замечательно. В первый же день пребывания в Галифаксе она нашла жилье и работу. Ей будут платить пять долларов в неделю, а после возможна прибавка, так что со временем она станет помогать семье. И она не одна, с ней Хлоя Чапман, так что Клементина может быть спокойна за дочь. Расписывая свое будущее, Нелл однако подразумевала далеко не одинокую, безмятежную и упорядоченную жизнь. Она жаждала яркости и веселья, романтических приключений и новых знакомств. Устроившись на ночлег, она обратила взор к окну. Небо сверкало звездами, а море — огнями, и Нелл чудилось, будто она плывет в серебрящейся черноте навстречу завтрашнему утру и своей счастливой судьбе.

Глава третья

Хотя его глаза напоминали кусочки неба, а рисунок светлых волос был похож на волны, набегающие друг на друга в погожий летний день, в выражении лица Дилана Макдаффа никто бы не заметил ничего радостного. Он стоял в кабинете своего отца и смотрел на гавань. Дилан прожил в этом городе почти всю свою жизнь, но сейчас Галифакс с его складами, доками, корабельными мастерскими казался ему чужим. По небу плыло золотое солнце, день обещал быть теплым, почти весенним, тогда как в голове Дилана кипели мрачные мысли, а по спине пробегал нервный холодок. Он чувствовал то же самое, что ощущал бы человек, помимо воли забравшийся на верхушку высокого дерева или мачты.

— С начала войны производство неуклонно расширяется, — рассказывал Грегори Макдафф, — мы постоянно нанимаем новых работников. Сейчас на фабрике трудится триста рабочих. Должен признаться, мне тяжело руководить предприятием в одиночку. Я нуждаюсь в помощнике.

«Но ведь у тебя много служащих, которые справятся с ролью твоей правой руки гораздо лучше, чем я!» — хотел сказать Дилан, но вместо этого спросил: — Ты слышал о призыве Бордена[1]?

— Конечно. В Британию отправились почти двести тысяч добровольцев.

Выдержав нужную паузу, Дилан промолвил:

— Я тоже хочу вступить в армию.

Грегори Макдафф сорвался с места. Его вытаращенные светлые глаза были похожи на два сверкающих стеклянных полушария.

— Ты сошел с ума?! Ты мой единственный сын, и ты нужен здесь!

Повернувшись, Дилан холодно обронил:

— Кому?

— Фабрике. А прежде всего мне!

— Я думаю о том, — с заметной угрозой произнес Дилан, — как это будет выглядеть? «Сладкий мальчик» избежал призыва благодаря деньгам своего отца?!

Это прозвище пристало к нему, как подтаявшая глазурь шоколадного печенья пристаёт к пальцам, и он его ненавидел. Мать Дилана умерла, когда он был совсем мал, и он ее не помнил. Отец был постоянно занят на фабрике, и мальчика воспитывали три любящие тетушки, которые, к несчастью, никогда не были замужем и не имели своих детей. Однажды, когда ему было шесть или семь лет, он услышал, как кто-то сказал: «Этого ребенка явно перекормили пирожными». С тех пор Дилан не брал в рот ни капли сладкого, в чем таилась своеобразная ирония: ведь на фабрике его отца выпекались вкуснейшие кондитерские изделия.

Сейчас он не мог сказать, по какой причине одиночество стало его второй натурой: у него не было друзей, и он еще никогда по-настоящему не встречался с девушкой. В Торонто, где он учился в университете, юные леди добивались его внимания, однако Дилан подозревал, что их привлекали далеко не те его качества, какими он мог бы гордиться. К тому же большинство из них не заботилось ни о чем, кроме поисков подходящего жениха. Он с детства не любил свою внешность: волнистые белокурые волосы, обрамленные длинными ресницами, ярко-голубые глаза, тонкое нежное лицо. И содрогался, когда его называли красавчиком.

Когда пришла пора выбирать учебное заведение, Дилан категорически заявил, что не станет учиться в Далхаузи[2], а поедет в Монреаль или в Торонто. Отец согласился, но лишь с условием, чтобы сын изучал экономику. Поступив в университет, Дилан так и не сумел завести приятелей, зато занялся спортом (входившим в моду теннисом, а также плаванием и греблей) и теперь выглядел лучше, чем когда-либо: подтянутый, стройный, с ровным загаром. Несмотря на это, что-то неизменно выдавало в нем растерянность и ранимость, а также редкую непри-

способленность к жизни. Он ни за что не вернулся бы обратно, если бы не знал, что отец нуждается в нем. Мистеру Макдаффу исполнилось пятьдесят шесть, и он стал уставать. Если отец Грегори владел всего-навсего небольшой пекарней, то сын превратил ее в фабрику с английскими печами для изготовления бисквитов. Считая тесто живой субстанцией, он мог говорить о нем часами. При всей нелюбви к семейному делу, Дилан не мог не уважать своего отца.

— Я стану твоим помощником, исполнив свой долг перед Родиной.

Дилан знал, что это звучит слишком пафосно, но он не мог придумать ничего другого.

— Твоя Родина не Великобритания, а Канада, и нам необязательно воевать. По-моему, с нас довольно того, что мы предоставили Лондону кредит на пять миллионов фунтов стерлингов и наладили производство боеприпасов и медикаментов. Впрочем, дело не в этом. Дилан! На войне всегда думаешь, что убьют другого, а не тебя. И все-таки это может случиться именно с тобой, и тогда моя жизнь потеряет смысл, а все, что я заработал за все свои годы, окажется никому не нужным.

Дилан поморщился. Его всегда корбила суэта, связанная с получением прибыли. Он не мог объяснить отцу, что ему хочется понять, что представляет собой он сам, узнать, для чего он появился на свет, каково его предназначение. Добиться этого можно, лишь очутившись в общей массе людей, в условиях, где все равны, превратившись из «сладкого» в «обыкновенного» мальчика. На первый взгляд, армия идеально соответствовала таким условиям. Дилан был еще молод, а потому не знал, что люди никогда не бывают одинаково равны ни перед жизнью, ни перед смертью. И в мире не существует щита, способного оградить от судьбы.

Он был рад, когда в связи с какими-то проблемами отцу пришлось завершить разговор. К тому же Дилан вспомнил об обещании навестить тетюшек.

— Том отвезет тебя, — сказал отец, но сын возразил:

— Нет. Я пройду пешком.

Он шел к воротам, несколько нервно отвечая на поклоны встречающих, а иногда делая вид, что не заметил очередной подобострастной улыбки, предназначенной ему как хозяйскому сыну. Он страдал от вынужденной любезности этих людей. Разумеется, Дилан понимал, что его обсуждают, и догадывался (или предполагал, что догадывается), какие чувства он вызывает у окружающих, поэтому шел излишне быстро, расправив плечи и не глядя по сторонам. Очутившись за стенами фабрики, Дилан был рад слиться с толпой, стать ее частью, чего не смог бы сделать, передвигаясь по улицам города в шикарной машине.

Стоял один из тех переходных дней, когда зима отступает и воздух наполняется сладостью возрождавшейся жизни. В воздухе стоял острый запах морской соли. Над гаванью стояла туманная дымка. Вода, плескавшаяся в проемах между кораблями, казалась теплой, но Дилан знал, что она еще не скоро нагреется. Галифакс всегда был похож на тихую заводь, поэтому многие его жители обрадовались, когда с началом войны в нем началось оживление и будто повеяло свежим ветром: провинциальный городок вдруг стал близок к тому, что творилось в мире. При этом люди не замечали, какими суровыми стали цвета окружающей жизни. Так гавань, прежде такая нарядная от разноцветных флагов, теперь, казалось, задышалась от наплыва военных кораблей, чьи борты отливали сталью, а палубы ощерились смертоносными орудиями. Подумав об этом, Дилан свернул с набережной на боковую улочку. Он вел себя странно: с одной стороны, стремился в армию, а с другой — ненавидел войну.

Когда он проходил мимо витрины магазина готового платья, что-то заставило его остановиться. Позднее Дилан говорил себе, что это была судьба, потому что в тот самый миг он увидел самую красивую девушку на свете. Незнакомка разглядывала одежду, заявленную, как коллекция «Весна 1915 года». Здесь было выставлено несколько смелых моделей дамских жакетов почти мужского покроя, со строгими лацканами и платьев с матросскими воротниками и медными пуговицами.

Дилану случалось видеть бедных фабричных работниц, робко застывших возле магазинных витрин. Но у этой девушки был иной вид. Она раздумывала не над тем, соответствует ли она этим вещам, а соответствуют ли эти вещи ей. Это была одна из тех редких девушек, появление которых в любой компании заставляет всех присутствующих, обратив свои взоры к ней, мгновенно умолкнуть. У Дилана защемило сердце. Он был готов положить к ногам незнакомки ворох нарядов. Да что там — весь мир! Если бы это было возможно, и если бы она приняла его дар. Идеально вылепленное лицо девушки напоминало камею, нежная кожа — гладкий белый атлас, а глубокие глаза — бархат ночи. Ее голова с тяжелым узлом блестящих черных волос была слегка откинута назад, а уголки изящно очерченных губ немного приподняты. Вместе с тем в выражении ее лица было нечто непреклонное. Судя по всему, она прекрасно осознавала власть своих чар. Хотя на ней было скромное и далеко не новое пальто, Дилану чудилось, что она способна выглядеть воплощением элегантности в любой одежде. У него пересохло во рту. Дилан не умел знакомиться с девушками, тем более знакомиться на улице. Но это был тот самый случай, когда промедление подобно смерти. Случается, человек следует за своими желаниями, зная, что возврата не будет. Казалось, незнакомка проникла в каждую клеточку его тела, вызывая прежде неведомые порывы и чувства, пробуждая дерзкие мысли о восхитительных любовных отношениях, какие ему еще не довелось испытать.

— По-моему, раньше здесь не было магазина одежды. Он открылся недавно?

Дилан ощущал себя глупо, но это был первый вопрос, который пришел ему на ум. Увидев в витрине отражение его лица, Миранда Фишер удержалась от резкого ответа, какой иногда себе позволяла. Этот человек был хорошо одет, молод, красив, а вдобавок выглядел взволнованным и смущенным, а также явно сраженным ее красотой. Не зная, кто он, она довольно сдержанно ответила:

— Насколько я помню, в этом здании всегда располагался магазин.

— Странно. Значит, я забыл. Мне кажется, за последние годы в Галифаксе многое изменилось.

Миранда тихонько вздохнула. Она могла бы сказать, что в этом приземленном мире ничего не меняется. А если точнее, она была готова кричать об этом, если бы у нее оставалась надежда, что ее кто-то услышит.

— Вы приезжий? — с нарочитым равнодушием поинтересовалась она.

— Я родился в Галифаксе, но долго отсутствовал. — По его тону можно было понять, что он не рад возвращению в родные пенаты.

Дилан смотрел на Миранду с надеждой, что их разговор продолжится, однако она поправила шляпку и натянула перчатки с явным намерением отправиться по своим делам. Он не мог этого допустить и немедленно сорвался с места.

— Можно вас проводить?

Она покачала головой.

— Я вас не знаю.

От волнения у него пересохло в горле, и все же он сумел выдавить:

— Я буду счастлив познакомиться с вами.

Миранда это знала. Многие были бы счастливы, ибо она была наделена редкостным даром нравиться буквально всем мужчинам от шестнадцати до девяноста. Однако она всегда держалась подчеркнуто строго — не потому, что это было частью ее натуры, а потому, что мать стерегла ее, будто сокровище, и берегла как зеницу ока.

— Вообще-то я редко выхожу одна. Просто моя мама заболела, и ей понадобилось лекарство.

Во взгляде Дилана промелькнуло понимание. Эта девушка, так же, как и он, была вынуждена делать то, что от нее требовалось, чего от нее хотели другие люди, а не она сама.

— Сочувствую вашей матушке. С ней что-то серьезное?

Миранда сделала гримасу.

— У нее мигрень.

— Вы уже купили лекарство?

Девушка кивнула, и тогда он повторил:

— Так я могу проводить вас домой? Меня зовут Дилан. Дилан Макдафф.

Назвав себя, он словно приоткрыл некую потайную дверь. Ей наверняка была известна его фамилия! Он напряженно ждал ее реакции, но сделала вид, будто не услышала ничего необычного.

— А меня Миранда Фишер. Мой отец врач, он работает в главной больнице Галифакса почти тридцать лет.

— Благородная профессия.

— Может, и так, только мне никогда не нравились бесконечные рассказы о болезнях и несчастных случаях. С тех пор, как началась война, мы слышим еще и о раненых, которых привозят с фронта.

— Я тоже собираюсь вступить в армию, — признался Дилан, и Миранда одарила его взглядом, в котором явственно читалось: «И зачем вам это надо?»

— Я хочу испытать себя, — почувствовав ее непонимание, неловко добавил он.

Девушка пожала плечами.

— По-моему, есть другие способы. Это необязательно делать, рискуя собой.

— Я еще ничего не решил, — поспешно произнес Дилан. — Собственно, я совсем недавно закончил учебу.

— Где вы учились?

— В университете Торонто.

— Это большой и красивый город?

— Да.

— Расскажите мне о нем? В Торонто живут дальние родственники моей мамы, но я никогда там не была.

Дилан смущенно улыбнулся.

— Расскажу, если вы все же позволите вас проводить.

Они пошли по улице. Дилан заговорил о Торонто, и ему показалось, что Миранда слушает с интересом. Заметив, какими взглядами его спутница провожает легковые машины, которых в Галифаксе пока было не так много, он подумал об отцовском серебристом четырехцилиндровом «роллс-ройсе». И сказал себе, что если знакомство с Мирандой продолжится, он непременно пригласит ее покататься. Но для начала... для начала почему бы не позвать эту очаровательную девушку в кино? Его сердце трепетало, словно лоскут на ветру, а душу снедало страстное юношеское нетерпение. Дилан, понимал, что спешит, но он очень боялся навсегда расстаться с Мирандой. Словно в подтверждение его мыслей, остановившись неподалеку от каменной арки, ведущей в какой-то двор, она сказала:

— Дальше я пойду одна.

Он покорно кивнул, а потом выпалил:

— Давайте сходим в кино!

Во взгляде Миранды отразилось сомнение. Она была уверена, что мать не одобрит этой затеи. Но с другой стороны, что она скажет, узнав, что ее пригласил не кто иной, как сам Дилан Макдафф? Немного поколебавшись, она спросила:

— А какой фильм?

— Я бы хотел посмотреть «Нетерпимость» Дэвида Гриффита[3]. А вы? Говорят, фильм очень драматичный, но заканчивается хорошо.

Миранда решила, что пора проявить заинтересованность.

— И в какой день?

Ей понравилось просительное, почти умоляющее выражение в его глазах, когда он сказал:
— Что если... завтра? На вечерний сеанс?

— Только если не очень поздно. И я не обещаю, что выйду, потому что меня могут не отпустить.

— Понимаю. Я буду ждать вас в пять часов на этом месте. Хорошо?

— Да. Если я не появлюсь в течение четверти часа, значит, мне не удалось уйти.

— Договорились. — Он слегка поклонился. — До свидания, мисс Фишер.

— Всего хорошего, мистер Макдафф.

Дилан смотрел ей вслед до тех пор, пока она не скрылась из виду. В те мгновения, когда Миранда проходила под аркой, он сказал себе, что если ему повезет и они станут встречаться, он сделает то, на что никогда прежде не сумел бы решиться: покажет ей свои акварели. «Романтические глупости» — так говорил о его увлечении отец, не позволивший сыну учиться живописи и заставивший его изучать экономику. Хотя Дилан вовсе не считал свои рисунки талантливыми, почему-то он был уверен в том, что Миранда не станет смеяться над его работами. Ведь он рисовал и заинтересовавший ее Торонто, и, конечно, Галифакс, город, который нравился Дилану гораздо больше в те времена, когда еще не столь откровенно поклонялся богам промышленности, войны и торговли.

[1] Борден Роберт Лэрд (1854—1937) — премьер-министр Канады с 1911 по 1920 г.

[2] Университет Галифакса.

[3] Гриффит Дэвид (1875—1948), американский режиссер, отличавшийся новаторскими методами съемок немого кино.

Глава четвертая

Миранда очутилась в тесном, словно колодец, дворе, куда, казалось, никогда не проникало солнце. Здесь было сыро и плохо пахло. Она предпочла бы, чтобы Дилан Макдафф никогда не заглядывал сюда, ведь он-то наверняка жил в собственном роскошном доме где-нибудь на Янг-стрит! Она невольно вздохнула: какой бы привлекательной она ни была и как бы ему ни нравилась, их разделяет пропасть.

Стоило Миранде подумать об этом, как навстречу шагнул человек, для которого пребывание в таких закоулках было делом привычным. Его руки были засунуты в карманы, верхняя часть тела слегка наклонена вперед; и поза, и выражение лица были полны настороженности и одновременно небрежности. В полутьме тупика его глаза казались темными, хотя на самом деле они были пронзительно-зелеными, а их взгляд — дерзким, неотступным, как у хищника, почуявшего добычу. Миранда не испугалась, потому что узнала его.

— Здравствуй, Кермит.

— Что за хлыщ тебя провожал? — с ходу спросил он, не отвечая на приветствие.

Если Миранду и покорила его грубость, она не подала виду.

— Это Дилан Макдафф. Полагаю, он сын Грегори Макдаффа, хозяина бисквитной фабрики.

Кермит присвистнул.

— Надо же! А я не узнал его. Он здорово изменился. Хотя, похоже, так и не повзрослел.

— Откуда ты его знаешь? — недоверчиво произнесла Миранда.

Кошачьи глаза Кермита сузились.

— Я помню его с малых лет. И не только помню, но и ненавижу.

— За что? Ты мне об этом не рассказывал.

— Говорил, только ты забыла. Когда-то я подстерег его на улице и ударил. Он завизжал, будто его режут, а потом пожаловался папочке. Тот разузнал, кто я, и вышвырнул моего отца с фабрики. Что было потом, ты знаешь.

— Не может быть! — вырвалось у Миранды, и Кермит презрительно усмехнулся.

— Ты мне не веришь?

Она отлично знала, что он мог выдумать эту историю. Ради нее. Для того, чтобы она испытала неприязнь к Дилану.

Вместо ответа Миранда спросила:

— Почему ты его ударил?

— Потому что я не люблю изнеженных богатеньких папенькиных сынков. Так что можешь ему передать: если он посмеет за тобой приударить, я разобью ему морду. Драться-то он наверняка не умеет!

На сей раз она сказала:

— Не груби, Кермит. А главное — не пытайся за мной следить. Ты прекрасно знаешь, что у меня и без тебя достаточно сторожей.

— Макдаффу они наверняка обрадуются!

Миранда тоже об этом подумала. Ее мать была одержима желанием удачно выдать свою дочь замуж. Эбби Фишер была из тех людей, кто, ничего не добившись в жизни, делает ставку на детей. Колин Фишер целыми днями пропадал на работе, а его жена управляла своим маленьким мирком так, как Господь Бог управляет целым светом. Эбби знала, что красота девушки — это товар, а если к нему прилагаются достойное воспитание, хорошая репутация и скромность, его цена возрастает вдвое.

— Впрочем, он все равно на тебе не женится, — добавил Кермит, и Миранда почувствовала себя уязвленной.

— Почему?

— Потому что ты бедна для него, как и я — для тебя. Давно известно, что деньги женятся на деньгах.

— Знаешь ли ты, — довольно резко произнесла она, — что мне вообще не хочется выходить замуж!

Миранде казалось, что она говорит правду. В самых мыслях о браке было что-то монотонное, тошнотворно-скучное. Она мечтала изучить стенографию или машинопись (но только не медицину!), заняться интересным делом и стать такой же самостоятельной, как другие современные девушки. Она не хотела плыть по течению, не желала всецело зависеть от матери. Как и от мужа.

А еще Миранда с удовольствием остригла бы волосы и сделала модную прическу, какую уже носили некоторые молодые жительницы Галифакса, умевшие улавливать веяния времени. Однако мать, которая считала длинные волосы дочери признаком женственности, никогда бы не позволила, чтобы их коснулись ножницы. И неважно, что самой Миранде они казались символом старообразия. Само собой она мечтала и о том мистическом единении душ, что зовется любовью, но пока не предполагала, где и когда встретит человека, способного растопить лед ее сердца. Что касается Кермита Далтона, он принадлежал к тому типу мужчин, который ей нравился. В этом человеке присутствовала смесь наглости, грубости, суровой мужской красоты, преданности и безрассудства. Но он был дитя улицы, и Миранда знала, что ни мать, ни отец никогда не позволят ей соединить с ним судьбу.

Они познакомились в детстве, когда Колин Фишер однажды привел в дом хмурого мальчишку в потрепанной грязной одежде и оставил его ночевать. В ответ на возражения Эбби он сказал, что с отцом ребенка произошел несчастный случай, и мужчина только что умер в больнице. Матери у мальчика нет, есть только тетка, но она еще не приехала, и парнишке негде провести ночь. Вопреки ожиданиям, тетка прибыла спустя месяц после похорон. И все это время, невзирая на энергичные протесты Эбби, Кермит жил у Фишеров.

Для Миранды — хорошенькой, аккуратной девочки с двумя тугими косичками, грациозными движениями и безупречными манерами, он был существом из другого мира, его присутствие в доме вызывало в ней непонятный, волнующий трепет. Прошло немало дней, прежде чем они стали общаться. Она уже не помнила, как это началось. Наверное, с ее стороны толчком послужило все-таки не сочувствие, а любопытство. Несмотря на трагизм ситуации, Кермит внес в ее жизнь свежесть и обаяние новизны. Миранде довелось узнать подробности того, что произошло с отцом Кермита. Его выгнали с фабрики, и от отчаяния он бросился под поезд. Тогда Миранда не догадалась спросить, что это была за фабрика и какова причина увольнения. После Кермиту почти не пришлось учиться, он закончил только начальную школу и теперь перебивался случайными заработками.

Сейчас Миранда вспомнила о том, что он никогда не пытался наняться на фабрику отца Дилана, хотя там часто требовалась рабочая сила. Все эти годы они время от времени виделись, разумеется, втайне от Эбби Фишер, которая немедленно запретила бы эти встречи. Кермит никогда не назначал Миранде свиданий, просто подлавливал ее то тут, то там, когда она, случалось, выходила из дому без матери. Иногда девушке казалось, что он дежурит под ее окнами. Сперва это были просто дружеские встречи, но когда Кермиту исполнилось шестнадцать, его накрыла волна безудержной властной любви.

Несмотря на то, что его путь был изматывающим и трудным, что ему приходилось бороться за каждый новый день, а она существовала под крылом любящих родителей, в почти тепличных условиях, они были чем-то похожи. Ни ей, ни ему не нравилась жизнь, которой они жили, и оба втайне от окружающих мечтали о чем-то другом. Однажды Кермит обмолвился, что давно покинул был Галифакс, если бы не она, и Миранда была вынуждена признать, что страшится его отъезда и не хочет его терять. Конечно, она догадывалась, что у него случались

далеко не невинные отношения с другими девушками, что он давно постиг те стороны жизни, о каких она не имела понятия. Но его сердце неизменно принадлежало ей, и, похоже, то был единственный якорь его одинокой бродячей жизни. Понимая, что они слишком разные, что она никогда ему не достанется, Кермит все-таки продолжал о ней мечтать.

Миранда выросла в атмосфере, полной рассказов отца о пациентах и их болезнях, бесконечных недомоганий матери (помогавших Эбби Фишер держать дочь на коротком поводке), а Кермит никогда не болел, и его мускулы, равно как и воля, были тверды, как железо. Он с детства привык участвовать в уличных драках и пережил немало опасных приключений.

— Я собираюсь записаться в армию, — сказал Кермит, и Миранда вздрогнула.

Странно, что сегодня она дважды услышала это, причем от столь непохожих людей, как Кермит Далтон и Дилан Макдафф! Она, не выносящая вида крови, ран и увечий, как и упоминания о них! Ей хотелось закричать и топнуть ногой. Какой смысл в кровавой бойне?! Отец Миранды говорил, что для сильных мира сего война — раздолье, широчайшее поле деятельности, тогда как простые люди вынуждены страдать и умирать.

— Зачем тебе это? Долг перед Родиной? — спросила она, полная презрения к никчемному показному героизму.

Он усмехнулся.

— Нет, долг перед самим собой.

Брови Миранды поползли вверх.

— Разве война — это что-то личное?

— То, что волнует человека, это всегда что-то личное.

— Почему тебя должна волновать война?

— Потому что я мужчина.

— Я не хочу, чтобы ты шел на войну. На мой взгляд, это глупо. Кого ты собрался защищать? Даже мне известно, что Канаде ничто не угрожает!

В ответ Кермит произнес то, чего она никак не ожидала услышать:

— В данном случае твое мнение не имеет значения.

Высоко подняв голову, она посмотрела ему в глаза.

— Дилан Макдафф тоже сказал, что запишется в армию.

Кермит задохнулся от возмущения:

— Что этому неженке делать на фронте? Да его прикончат в первом же бою! А еще вернее он сам сбежит обратно к своему папочке! Послушай, ты в самом деле намерена с ним встречаться? Если так, то...

— Мне пора, Кермит, — решительно перебила она, — я без того задержалась. И, пожалуйста, оставь свои угрозы при себе.

Спустя несколько минут Миранда вошла в квартиру, где с рождения жила вместе с родителями. Это был замкнутый мир, душный, тесный и поразительно однообразный. Ковер в гостиной был вытоптан: кое-где из его основы торчали похожие на солому нити. Абажуры ламп потускнели от пыли, вышитые сидения стульев поблекли. От потолка кое-где отвалилась штукатурка, некогда блестящие полы из широких дубовых досок потемнели. Из оконных щелей сильно дуло.

Колин Фишер не думал о быте. Он был настолько увлечен своей работой, что был готов проводить время в больнице даже за бесплатно (что нередко и делал). Что касается Эбби Фишер, та была свято уверена в том, что все чудесным образом переменится с замужеством дочери. А Миранда? Она просто не могла ничего изменить. Во всяком случае, так ей казалось.

— Почему так долго? — тусклым голосом произнесла лежавшая на тахте мать.

— В аптеке была очередь, — привычно солгала Миранда.

Такой «привычной лжи» на ее памяти было много. Например, когда она притворно сочувствовала материнским недугам. Когда на словах потакала желаниям родителей, понимая,

что в реальности ни за что не захочет их исполнять. Но сейчас она была намерена сказать правду, будучи уверенной в том, что *такая* правда отвечает интересам матери:

— Мама, Дилан Макдафф пригласил меня в кино. Мне можно пойти?

Мгновенно приподнявшись, Эбби Фишер спросила:

— В кино? Дилан Макдафф? А кто это?

— Сын Грегори Макдаффа, владельца бисквитной фабрики, — небрежно произнесла Миранда.

— А где ты с ним познакомилась? — Эбби не была намерена отступить от своих принципов даже под страхом смерти. — Неужели на улице?!

— В аптеке. Он стоял за мной в очереди, и мы разговорились. Он недавно вернулся из Торонто, где получал образование.

— Не думаю, что у этого человека могут быть серьезные намерения. Он наверняка избалован женским вниманием.

— Он показался мне скромным, даже застенчивым.

— Почему он с тобой заговорил?

— Потому что я красива. — В голосе Миранды не было ни тщеславия, ни кокетства, лишь холодная уверенность. — Мама, если я не приму приглашения Дилана Макдаффа, то никогда не узнаю о его *намерениях*. В том, что девушка идет в кино с молодым человеком, нет ничего необычного, а тем более страшного.

Эбби задумалась. Способен ли богатый юноша жениться на красивой, но не слишком обеспеченной девушке? Ей хотелось верить в чудеса такого рода, хотя она не сомневалась в том, что жизнь — это пьеса, где все развивается не хаотично, а по определенному сценарию и где каждый актер играет определенную роль, а потому испытывать судьбу не только неразумно, а даже глупо.

— Ладно, — сдалась она, — ты можешь пойти. Только возвращайся домой сразу после кино!

Миранда восторгалась. Сам того не подозревая, Дилан Макдафф уже подарил ей глоток свободы! Подумав об этом, она испытала к нему, человеку, которого почти не знала, неожиданно теплое, почти нежное чувство и поняла, что с нетерпением ожидает их встречи.

Глава пятая

В субботу на фабрике был короткий день, и, едва вернувшись домой, Хлоя принесла от хозяйки утюг, полный раскаленных углей: она собиралась погладить наряды, в которых им с Нелл предстояло пойти на танцы. Для себя Хлоя выбрала темно-синее платье с многослойной юбкой. Она заплела каштановые волосы в косу и тщательно уложила ее вокруг головы. Свято веря в то, что больше всего рыжим идет травянисто-зеленый цвет, она предложила Нелл подходящее платье с блестящими пуговицами и широким поясом, который завязывался сзади большим бантом. Хлоя одолжила ей даже гладкие, как стекло, шелковые чулки, пусть и с бумажным верхом, и Нелл пришла в полный восторг. Ей еще не доводилось носить такие изящные модные вещи!

— Ничего, — успокоила Хлоя, — как только начнешь хорошо зарабатывать, купишь себе все, что захочешь.

Девушка кивнула, при этом вспомнив, что собиралась отсылать большую часть заработка матери и сестре. Что же тогда останется для себя? Неприятная мысль промелькнула и исчезла: сегодня ничто не могло испортить ее настроения. Пока Хлоя гладила одежду, Нелл безуспешно пыталась запудрить веснушки. А еще ей предстояло разучить основные па, и было совершенно ясно, что они с Хлоей не успеют поужинать. Подруга сказала, что можно перекусить по дороге.

Когда они вышли на улицу, на город опустился вечер. Девушки шагнули в толпу, которая текла по тротуарам, словно огромный живой поток. Люди переговаривались и перекликались. Шуршали шины автомобилей, стучали колеса повозок. Город пребывал в постоянном движении, и Нелл жаждала попасть в ритм его жизни, стать его частью, уловить свое место в его изменчивом мире.

На углу, как и в день ее приезда, продавали сосиски, которые готовились на газовом гриле. Аромат подкопченных колбасок, жареного лука, острого соуса, сладкой горчицы и теплых свежих булок был чудесен — Нелл вдохнула его полной грудью, стараясь задержать в себе и чувствуя, как нутро заполняет ожидание неземного блаженства. Отстояв небольшую очередь, они с Хлоей взяли две порции по десять центов и принялись с жадностью уплетать сосиски, одновременно оживленно болтая. Нелл уже поняла, что жизнь города, по улицам которого гулял вольный атлантический ветер, целиком подчинялась делам порта. Ее поражало все, что она видела: массивные военные корабли, переброшенный через гавань легкий ажурный мост, ведущий в Дартмут, город-близнец Галифакса, звездообразная цитадель на высоком холме.

Хлоя и Нелл шли туда, куда устремлялось множество веселых и ярких, как бабочки, девушек и получивших увольнительные военных в зеленой форме. Похоже, здесь собралась вся городская молодежь, и дабы обратить на себя внимание, каждый старался перещеголять другого. Так целая компания молодых людей в штатском въехала на пристань в стареньком форде с таким шиком, будто они прилетели на аэроплане. Нелл обрадовалась, заметив Сиену, непривычно нарядную, с кукольно завитыми белокурыми волосами и сильно подведенными глазами. Увидев, что Нелл не одна, а с подругой, она ограничилась безмолвным кивком и затерялась в толпе девушек.

— Мы работаем вместе, — пояснила Нелл.

— Я ее знаю, — обронила Хлоя, — раньше она была в нашем цехе, но потом ее перевели.

— А она говорила, что не помнит тебя! У нее очень красивое имя, Сиена, и когда она накопит немного денег, то устроится на киностудию.

Хлоя рассмеялась.

— Все это вранье! Никакая она не Сиена, ее зовут Сьюзен. Кому она нужна на киностудии? Возомнила себя Мэри Пикфорд[1]! Она не желает признаваться в знакомстве со мной,

потому что мне известно о ней кое-что не слишком хорошее. Впрочем, не только мне, а всем, кто с ней работал. Она была беременна и избавилась от ребенка.

— Избавилась от ребенка? Какой ужас!

— Вот и я о том же. Поэтому будь осторожна: здесь много желающих свести с девушками легкое знакомство.

Очутившись на палубе корабля, который возвышался над водой, словно утес, Нелл вцепилась в руку подруги. Здесь было столько народу, и стоял такой гул! Все толпились, теснились, толкались, то ли стараясь отыскать знакомых, то ли желая занять место получше. Над головой пестрели разноцветные флажки, и сияли огни фонарей. Пахло морской водой, пудрой, духами, железом и потом. Волны казались маслянистыми и тяжелыми, берег таял во мгле, а под ногами, несмотря на то, что судно стояло на якоре, ощущалась качка. На мгновение Нелл почудилось, что корабль вот-вот унесется в море вместе с массой людей, словно отколовшаяся льдина.

Большинство мужчин стремилось выбрать себе пару еще до того, как начнет играть оркестр. Поняв, что она, как и все остальные, стала предметом пристального изучения, Нелл ощутила неловкость, если не сказать — страх. Ее колени одеревенели, а тело словно овеяло сквозняком. А если ее никто не пригласит? А если пригласит, и она так смутится, что не сможет танцевать?!

Внезапно она заметила человека, который стоял неподалеку от нее. Он держался с видимым безразличием, между тем у него был притягательный, оценивающий взгляд, и от него исходило ощущение такой внутренней силы, что Нелл невольно обратила на него внимание. У него были черные волосы и светло-зеленые глаза с темной каймой, мужественное, с оттенком жестокости лицо.

— Даже не смотри в ту сторону, — прошептала Хлоя, заметив направление взгляда Нелл. — Это Кермит Далтон. Слишком много девушек отдали ему свое сердце и, подозреваю, не только сердце. Но не та единственная, в которую он и впрямь влюблен!

— Она здесь? — с любопытством спросила Нелл.

— Она не ходит на танцы, а если бы пришла, многие девушки лишились бы кавалеров. Миранда Фишер — одна из первых красавиц Галифакса. Она похожа на киноактрису куда больше, чем эта Сьюзен: у нее темные глаза и волосы и белая кожа, а еще потрясающая фигура, — ответила Хлоя. — Правда, она очень высокомерна и никогда ни на кого не смотрит.

— А почему она ему не достанется?

— Потому что на самом деле он никто и ничто.

Хлоя хотела еще что-то сказать, но в этот миг заиграл оркестр, и прежде хаотичное движение на палубе мало-помалу приобрело более-менее упорядоченный характер. Пятачок, на котором стояла Нелл, понемногу пустел. Разрумянившуюся от удовольствия Хлою увел высокий военный. Потом в гуще танцующих девушка разглядела Сиену или Сьюзен, которую обнимал молодой человек в лихо заломленной на затылок фетровой шляпе. Нелл ни о чем не думала, она просто наслаждалась невиданным действием, атмосферой праздника, иллюзией счастья, исходящей от окружающих ее людей. Она ничуть не переживала от того, что ее никто не приглашает: так было даже спокойнее.

— Вы танцуете? — вдруг раздалось над ухом, и она не сразу поняла, что обращаются к ней.

Повернувшись, Нелл увидела того самого человека, которого заприметила в самом начале вечера и от знакомства с которым ее предостерегала Хлоя. Она молчала в растерянности, не зная, что ответить, а он продолжил:

— Вероятно, вы впервые на танцах?

Она молчала и не двигалась, замороженная взглядом его зеленых глаз, но потом ей в лицо ударил отрезвляющий морской ветер, и Нелл почувствовала, что в голове проясняется.

— Почему вы так решили?

- По выражению вашего лица. Ясно, что для вас тут все в новинку.
- Вы ошибаетесь, — упрямо заявила Нелл, решив не сдаваться без боя.
- Возможно, но только прежде я вас тут не видел.
- Здесь так много народу. Разве возможно запомнить всех?
- Он улыбнулся, обнажив крепкие белые зубы.
- Девушку с пламенем на голове я едва ли сумел бы забыть!

Нелл вздрогнула. «Горели» не только ее рыжие волосы, в ней пылал неожиданно сильный внутренний огонь, и она не знала, почему. Возможно, от возмущения? Сделав над собой усилие, она выдавила:

- Вы смеетесь надо мной?
- Нет, я говорю вам, что вы особенная, непохожая на других.
- Из-за волос?
- Не только. Пойдемте танцевать?

Опустив ресницы, Нелл неожиданно призналась:

- Я еще никогда не танцевала.
- Значит, все-таки я был прав?
- Да.
- Вы совсем не умеете?
- Подруга кое-что показала, но...
- Не беспокойтесь, — перебил он, — я тоже не очень хороший танцор. Так что поучимся вместе.

Его обаяния были уверенными, но не навязчивыми, он хорошо слышал музыку и умело вел Нелл, которая умирала от смущения и восторга. Подумать только, всего неделю назад она прозябала в крохотной деревушке вдали от мира, а теперь танцует с молодым человеком! Мечты и страсть образовали в ее душе чудесный сплав, будоражащий нервы и не поддающийся описанию. Непрерывное кружение, водоворот красок, ритмичные скользящие движения — что может быть лучше! Когда музыка смолкла, кавалер отвел ее на место, но не стремился покинуть.

- Следующий танец тоже мой.

Нелл показалось, что это утверждение, а не вопрос, и она не знала, как реагировать, а молодой человек, казалось, наслаждался ее растерянностью.

— Признайтесь, на ваших щеках золотая пудра? — с улыбкой промолвил он и, не дав ей ответить, спросил: — Как вас зовут?

- Нелл.
- А меня Кермит. Вы давно в Галифаксе?
- Несколько дней. А вы?
- Я здесь родился и вырос.
- Это хороший город?

На его лицо набежала тень.

— Для тех, кто не хочет ничего менять в своей жизни, не стремится что-либо повидать или узнать что-то новое. Вы устроились на работу?

— Да, на бисквитную фабрику Макдаффа. Подруга написала, что там требуются работницы, и я приехала в Галифакс.

— В последнее время я слишком часто слышу это имя, — заметил Кермит, и в его голосе послышалось нечто угрожающее.

В нем вообще было много угрозы: мыслям и чувствам Нелл, ее образу жизни. Она это понимала, поэтому, когда он предложил проводить ее домой, поспешно произнесла:

- Нет, я пойду с подругой!

Он не удивился и только сказал:

— Тогда давайте сходим в кино?

— Я не могу.

— Почему? Тоже договорились с подругой?

— Нет, но я...

Кермит громко рассмеялся. Нелл заметила, что он ведет себя так, будто вокруг никого нет.

— Вы думаете, что это дурно, но не знаете, почему. А я скажу вам, что это совершенно обыкновенно и нормально. Мы просто посмотрим фильм. В кинематографе вы тоже не были?

Нелл поняла, что он читает ее как раскрытую книгу.

— Не была.

— Значит, побываете. Я зайду за вами после работы, скажем, завтра. Назовите адрес.

Когда она ответила, он спросил:

— Это пансион?

— Да. Я временно живу у подруги.

— Хорошо, тогда я буду ждать вас у входа.

На обратном пути, как и следовало ожидать, Хлоя беспрестанно выговаривала ей:

— Я предупреждала тебя насчет Кермита Далтона, а ты меня не послушалась. Знаешь, кто ты для него? Деревенская дурочка! Его все знают, и с ним мало кто связывается, вот он и охотится на свеженьких. У него ужасная репутация.

— Правда?!

Хлоя сокрушенно покачала головой.

— Уверена, Далтон довел до беды не одну девчонку. Ему хорошо известно, что многие, приезжая сюда из глуши, теряют голову. И он прекрасно знает, что им сказать и как себя повести.

— Мы всего лишь танцевали! — защищалась Нелл.

— Только не говори, что он ничего тебе не предлагал!

Подумав о том, что она слишком многим обязана Хлое, девушка призналась:

— Он хотел меня проводить, но я отказалась. А еще он пригласил меня в кино.

— Вот видишь!

— А что в этом плохого?

— Думаешь, он хочет посмотреть с тобой фильм? Едва выключат свет, как он полезет тебе под юбку!

Нелл испуганно вздрогнула.

— Тогда я с ним не пойду.

— Наконец-то я слышу разумные слова.

Когда они подошли к дверям пансиона, Нелл показалось, что наступила глубокая ночь. Горизонт был залит угольной чернотой, и оттуда веяло дыханием чего-то от века свободного, мощного и великого, неподдающегося земным законам. Девушке чудилось, что человеку ничего не стоит растаять, растворится в этой бесконечности и темноте, и она впервые подумала о том, как ничтожна, коротка, непонятна, а порой и страшна жизнь.

— Слушайся моих советов, и с тобой все будет в порядке. Но если ты решишь идти своим путем, тогда на меня не рассчитывай, — сказала Хлоя, и Нелл согласно закивала.

Пока у нее не было ничего своего. Она жила в комнате Хлои, даже взяла у нее одежду, а значит, должна перенять и образ мыслей. К тому же все, что говорила подруга, казалось очень правильным. Нелл сказала себе, что Хлоя старше и умнее, а поэтому с ней не следует спорить.

[1] Пикфорд Мэри (1892—1979), кино- и театральная актриса канадского происхождения. Легенда американского немого кино, снявшаяся примерно в 250 фильмах.

Глава шестая

В понедельник на фабрику поступил срочный заказ, и упаковщицам пришлось укладывать горы галет. То ли из-за напряженной работы, то ли по другой причине, но только Нелл показалось, что Сиена ее избегает. Улучив момент, девушка спросила:

— Как тебе танцы?

Сиена пожала плечами. Сегодня она выглядела иначе, чем вчера: белесые ресницы, бледные губы, морщинки в уголках глаз. Прежде уложенные кокетливыми локонами, а теперь напоминавшие паклю волосы были свернуты на затылке небрежным узлом.

— Как всегда. Ничего особенного. Я уже привыкла. Надо же как-то убить время.

— Там появляются новые люди?

— В последнее время чаще. В основном солдаты и офицеры из гарнизона. А местных мы все давно знаем.

Набравшись смелости, Нелл промолвила:

— Вчера я познакомилась с неким Кермитом Далтоном. Что ты можешь о нем сказать?

— Красивый и дерзкий парень, но без будущего. Он даже не закончил школу. Трудится то на укладке рельсов, то еще где-нибудь, постоянного занятия у него нет, к тому же он будто терзает себя изнутри. То ли несчастная любовь, то ли что-то еще...

Нелл удивилась: она не заметила в Кермите ничего подобного, хотя Хлоя и говорила о том, что он безнадежно увлечен какой-то девушкой. Впрочем, Нелл почти его не знала. И после обещания, данного подруге, уже не надеялась когда-нибудь узнать. Она подумала, что, пожалуй, будущее человека зависит не только от того, учился ли он в школе и имеет ли постоянный заработок.

— Послушай, Сиена...

— Твоя подруга наверняка сказала тебе, что меня вовсе не так зовут! — резко перебила девушка. — Да, мы вынуждены что-то придумывать, чтобы реальность не казалась нам слишком страшной. Что такое неудача и бедность? Это судьба, которую нельзя изменить.

— Я вовсе не лезу в чужую жизнь, — растерянно пробормотала Нелл.

До конца смены они не разговаривали, а когда Нелл возвращалась домой вместе с Хлоей, ее уже не столь сильно радовал оживленный сияющий город и веселые толпы народа. Неожиданно она вспомнила дом, где все было таким искренним, простым и привычным. Представила, как солнце поднимается над холмами, меняя их цвет, преображая все, даже некрашенные, покосившиеся, вросшие в землю домишки, как трава искрится росинками, а река убегает вдаль, подобно широкой и бесконечной дороге.

Хлоя сказала, что зайдет в лавку за продуктами, а подругу отправила в булочную. Войдя туда и увидев горы сдобы, Нелл вспомнила материнские лепешки, и у нее защемило сердце. Купив багет, она поспешно вышла на улицу и у дверей пансиона столкнулась с Кермитом. Она сразу поняла, что вчера на танцах не разглядела его как следует. Он был по-настоящему красив, просто это не бросалось в глаза. Длинные темные ресницы, мужественный подбородок, выразительные скулы. И эта страстная, беспощадная пронзительность во взоре! Его одежда была грубоватой и простой, но это нисколько не портило его облика.

— Вы что, забыли о своем обещании? — спросил он.

— Нет, просто моя подруга...

— Вы живете чужим умом? Она вас запугала? Сказала, что я начну приставать к вам в темноте?

Нелл вспыхнула. Насколько он самоуверен и груб!

— Я вас слишком плохо знаю.

— Так попытайтесь узнать. Подарите вторую жизнь моей сомнительной репутации.

Сейчас он улыбался так, будто не принимал всерьез не ее, а самого себя. Внезапно Нелл поняла, что ей до боли хочется пойти с ним в кино и что она ничего не боится. Рядом с ним все остальное в жизни казалось второстепенным. Но как быть с Хлоей и куда девать только что купленную булку? Вновь прочитав ее мысли, Кермит сказал:

— Я понимаю, что вы зависите от своей подруги, но с ее стороны не очень честно навязывать вам свои взгляды. Не беспокойтесь, я доставлю вас домой до темноты. А булку мы съедим по дороге.

Они пошли по улице. Нелл не было стыдно ни за свой потрепанный жакет, ни за поношенные туфли, ни за простую прическу, потому что она видела, что Кермит не обращает на это никакого внимания. Он рассказывал ей про Галифакс, он знал много интересных фактов, о каких та же Хлоя не имела понятия. Нелл сразу отметила, что он не производит впечатления необразованного человека: вероятно, ему были свойственны природная любознательность и ум.

Так, Кермит сказал, что незамерзающая гавань Галифакса считается второй по величине городской гаванью после Сиднейской. Что гордость города — старинные башенные часы — приказал изготовить принц Эдвард, герцог Кента. Цитадель признана самым мощным укреплением на восточном побережье материка, а маяку на острове Джордж Айленд почти сто лет.

Он почти не говорил о себе, и Нелл стеснялась спросить, живы ли его родители и чем он сейчас занимается. Единственное, что она узнала о Кермите за то время, пока они шли к кинотеатру, что он начинал плавать в заливе с ранней весны: это свидетельствовало об отменном здоровье, а еще — о силе воли.

Он заплатил за два билета, и они вошли в зал. Нелл понятия не имела, как называется картина, которую они будут смотреть; впрочем, это не имело значения. В зале было жарко, душно и тесно. Зрители с толкотней и шумом занимали свои места. Вдруг Кермит сделал стойку.

Мимо них прошла молодая пара. Нелл не разглядела мужчину, зато обратила внимание на девушку. Ее одежда была скромной и вместе с тем выгодно подчеркивала прелестные изгибы ее тела, потому что эта девушка обладала редкостной природной грацией и изяществом. Она была из тех, кто порой, сам того не ведая, царит над окружающим миром, в котором им подчиняются и люди, и вещи. Идеальный нос, тонкие дуги бровей, блестящие волосы, безупречно изогнутые губы. Каким-то непостижимым образом Нелл догадалась, что это и есть Миранда Фишер. На фоне столь ослепительной красавицы Нелл выглядела обыкновенной рыжей девчонкой. И без того не любящая кричащие цвета своей внешности, теперь она окончательно приуныла. Благородство не может быть ярким, ему свойственна черно-белая гамма.

Во время сеанса Кермит вовсе не собирался приставать к Нелл; казалось, он о ней позабыл. Девушка чувствовала, что его тело превратилось в камень, а нервы — в комок оголенных электрических проводов. Кермит не видел фильма. Он думал только о людях, сидевших впереди на лучших местах: о красивой девушке и ее спутнике.

Нелл ошибалась: он размышлял больше не о Миранде, а о том, что произошло много лет назад. Мать Кермита ушла из семьи. Отец был угрюмым, замкнутым человеком, возможно, даже страдающим неким душевным расстройством. Он работал на бисквитной фабрике ночным сторожем, и мальчик видел его слишком редко, да и тогда отец почти не разговаривал с сыном. Кермит не привык просить у отца деньги даже на самое необходимое, а потому, когда заканчивались уроки, продавал на улицах газеты, или чистил обувь, или разносил молоко, или делал что-то еще. Он никого не боялся и, случалось, дерзил даже взрослым. Он не сетовал на свое положение и не жалел себя. Или ему так казалось.

Кермит хорошо помнил, как заметил противного мальчика, сына хозяина бисквитной фабрики Грегори Макдаффа. (Кто они такие, он узнал впоследствии). Подметая улицу, он видел, как в одно и то же время в сопровождении пожилых дам мимо проходит (или проезжает

на машине с шофером) богатый мальчишка в нелепом костюмчике: бархатной куртке с бантом, дурацких штанах с завязками, доходящих до колен, белых чулках и туфлях с пряжками. Эти штаны и чулки до крайности раздражали Кермита, но и сам мальчишка бесил не меньше. Он был толстый и розовый, словно молочный поросенок, кудрявый, как ангелочек, и весь какой-то приторный, будто обсыпанный сахарной пудрой, с ярко-голубыми глазами и похожим на спелую малину ртом. Таких детей обычно изображали на коробках с рождественскими подарками. Поскольку «поросенка» сопровождала свита щебечущих и кудахтающих тетушек, Кермит не мог ни ударить его, ни даже просто показать ему язык. А «ангелочек» вышагивал надутый и важный, лоснящийся и довольный. Кермит ненавидел этого мальчика и мечтал толкнуть его так, чтобы тот упал и разбил свои круглые розовые коленки о камни мостовой.

Он приобрел привычку следить за врагом, которого сам же себе и придумал, и вскоре узнал намного больше. Он видел, как под Рождество возле дома мальчишки выгружают подарки и пушистую елку, тогда как у самого Кермита никогда и ничего не было. Он слышал, как тетушки по сто раз спрашивают своего воспитанника, не голоден ли он и не холодно ли ему, между тем отец Кермита ни разу не поинтересовался ни самочувствием, ни желаниями своего сына.

Однажды Кермиту повезло. Выйдя из машины, мальчишка на какое-то время остался на тротуаре один. Не отдавая себе отчета в том, что он делает и чем это может закончиться, Кермит подскочил к нему, схватил за шиворот бархатной курточки так, что затрещал воротник, и влепил «свиненку» пощечину, после чего швырнул его на грязную мостовую и принялся пинать ногами. Вместо того, чтобы попытаться дать сдачи, мальчик заревел, как девчонка, завизжал, как самый настоящий поросенок. Тут же из машины выскочил шофер и поймал не успевшего убежать Кермита. Тот царапался и кусался, но мужчина держал его слишком крепко.

Началось дознание. Кермит наотрез отказался признаться, кто он такой, но его выдал кто-то из уличных приятелей, очевидно, за пару центов. Его пригрозили выгнать из школы, а спустя неделю отца уволили с работы. Кермит был уверен в том, что это связано с нападением на Дилана Макдаффа. Ночью отец исчез. Как выяснилось, он бросился под поезд. Он не оставил сыну ни записки, ни денег, а лишь непонимание, вину и боль. Тетка, у которой были свои дети, позволила Кермиту окончить начальную школу, а потом он пошел работать. Он давно жил отдельно, но иногда заходил к ней, если ему хотелось поесть домашнего супа или удавалось заработать побольше денег, которыми он мог поделиться с ее семьей.

Единственным светлым воспоминанием его детства были разговоры с девочкой по имени Миранда, каких он не вел ни до, ни после. Кермит не мог сказать, каким образом она вывела его на откровенность. Наверное, уже тогда его поразила ее красота. Сразу и в самое сердце. А теперь эта девочка, превратившаяся в прекрасную девушку, пришла в кино с тем самым Диланом Макдаффом! Кермит удивился, как сильно тот изменился: стал стройным, даже худощавым. Лицо Дилана утратило пухлость, а тело — рыхлость, и волосы уже не кудрявились, как у ангелочка, а лежали крупными волнами. Он был красив, и в его голубых глазах отражались благородство и интеллект. А еще в их взгляде таилась несколько озадачившая Кермита уязвимость. Вероятно, у этого внешне благополучного, богатого парня были свои скелеты в шкафу. Но Кермиту не было ни малейшего дела до его секретов. Он знал только одно: Дилан Макдафф не имеет и не может иметь никаких прав на Миранду Фишер.

Глава седьмая

Поскольку фильм произвел на Миранду и Дилана сильное впечатление, они проговорили о нем почти всю обратную дорогу. В «Нетерпимости» были показаны сразу четыре эпохи: древняя Иудея, Вавилон, средневековая Франция и современный мир на пороге гибели. Миранду больше всего поразили истории из прошлого, а Дилана — видения Апокалипсиса.

— Лилиан Гиш[1] сыграла просто великолепно — такое выразительное лицо! Со временем она наверняка затмит Мэри Пикфорд, — сказала Миранда.

— Поражаюсь, как Гриффиту удалось объединить столько тем!

— Я не ожидала, что невинно осужденного Дженкинса все же помилуют.

— Спасение в последнюю минуту — это конек Гриффита. Как и искупительная жертва.

— Вы видели другие его картины? — поинтересовалась Миранда.

— Только «Много лет спустя».

— Надеюсь, этот режиссер снимет еще много фильмов.

— Мне очень понравились слова, произнесенные в финале: «Истинная любовь принесет нам вечный мир», — сказал Дилан.

Несмотря на сумерки, Миранда заметила краску в его лице. Ей нравилась его застенчивость, хотя вообще-то она бы предпочла, чтобы ее кавалер вел себя посмелее. Почему-то ей казалось, что Дилан Макдафф еще не знал женщин, а ведь ему наверняка было не меньше двадцати трех лет. Запертая в четырех стенах, Миранда, тем не менее, стремилась быть современной девушкой: она много читала, в том числе и о вопросах пола. Отправившись в библиотеку, она набирала кучу целомудренных, чопорных, скучных романов, которые демонстрировала матери, а сама тем временем прятала под матрасом что-то более откровенное. Поскольку сама Эбби никогда не ходила за книгами (она интересовалась в основном журналами по домоводству, которые выписывала на дом), Миранда не опасалась того, что библиотекари расскажут матери об ее истинных пристрастиях.

Дилан Макдафф хорошо разбирался в современном кинематографе, знал имена известных режиссеров и знаменитых актеров. Так же очевидно, что он много читал. А еще признался, что дома у него есть новенький патефон известной английской компании Parlophone Lindex с кучей модных пластинок.

— Вы танцуете? — оживилась Миранда.

Дилан вновь смутился.

— Немного. А вы?

Она не удержалась от горькой усмешки.

— Я танцую у себя в комнате, тайком, наедине с собой и без музыки. Меня никуда не пускают.

— Жаль. Мне бы очень хотелось послушать пластинки вместе с вами.

— Едва ли это возможно, — сказала Миранда, хотя она многое отдала бы за то, чтобы увидеть, как он живет.

— Как вы думаете, а я могу прийти к вам? — робко спросил Дилан. — Я согласен увидеться с вами в присутствии вашей матушки и отца.

То, что он сразу заговорил о визите к ее родителям, свидетельствовало или о его крайней неопытности, или о пресловутых «серьезных намерениях». Миранда втайне улыбнулась.

— Я поговорю с мамой. Думаю, она позволит мне пригласить вас в гости.

Дилан просиял.

— Я был бы счастлив!

Миранда чувствовала, что он говорит правду, так же, как знала, что, даже оставшись с ней наедине, Дилан Макдафф не позволит себе никаких вольностей. Если бы, несмотря на его

богатство, с ним было неинтересно общаться или он бы повел себя высокомерно и властно, она бы без колебаний прекратила это знакомство. Но он казался таким любознательным, живым и одновременно милым...

— Так вы не против... встречаться со мной?

Подумав о веренице дней, наполненных чем-то предсказуемым и незначительным, дней, которые текли уже много лет, не принося ничего нового, Миранда искренне ответила:

— Я согласна.

— Что, если ваша мама разрешит вам прогуляться со мной в парке? А еще у моего отца есть машина, и я...

— Не стоит спешить, — перебила Миранда.

— Вы сердитесь? — казалось, он искренне испугался.

Она рассмеялась.

— Не очень.

Миранде нравилось его преклонение перед ней. Она легко могла представить этого юношу обнимающим ее колени, словно она была богиней. Миранда невольно сравнила Макдаффа с Далтоном, и сравнение оказалось не в пользу последнего. На фоне Дилана Кермит выглядел необразованным, грубым человеком, одержимым чисто плотскими страстями.

Было довольно поздно, поэтому они простились. Миранда обещала поговорить с матерью и завтра передать Дилану ее ответ. Она была уверена в том, что этот молодой человек с его мягкими приятными манерами произведет на Эбби самое выгодное впечатление. Но, войдя в квартиру, поняла, что не хочет, чтобы Дилан Макдафф приходил к ней домой. Что он скажет о старой мебели, выцветших обоях, следах от мыльных брызг в ванной комнате, о скоплении ненужных вещей в тесной прихожей? А что он подумает о ее матери? Эбби Фишер наверняка наденет платье с пышным декоративным треном, какие уже никто не носит. У нее было одутловатое лицо, слишком пристальный взгляд и неряшливые пряди седых волос на висках, напоминавшие паутину. Чего доброго, она начнет напрямую выпрашивать Дилана, как он относится к ее дочери, или интересоваться семейным предприятием Макдаффов! А не то, так начнет жаловаться на свои многочисленные придуманные болезни.

«Какая ирония — супруга врача и так больна!» — скажет она, и Дилан наверняка удивится: «Почему же он не может вас вылечить?»

«Потому что мой отец не психиатр», — подумала Миранда, продолжая воображаемый разговор.

Но с другой стороны, он же придет не к ее родителям, а к ней! Она была драгоценной жемчужиной в грязной раковине, но едва ли это помешает Дилану, если она ему по-настоящему нравится. И вряд ли он решит, что обстановка ее жилья неотделима от ее самой. В голове Миранды промелькнула весьма практичная мысль о том, что у него есть шанс стать прекрасным принцем, освободившим ее из заточения. Такой человек, как Дилан, наверняка позволит своей жене сделать модную стрижку, купит ей нарядов и отправится с ней в путешествие по Европе. У него куча денег, и она найдет способ крутить им, как хочет. Только как заставить его сделать предложение? Пожалуй, это будет не такой уж сложной задачей, если он в нее влюблен, а Миранда видела, что так оно и есть. И самое главное — в этом случае ей не придется отделять выгоду от удовольствия. Она всегда хотела взять первый приз. Когда Эбби принялась выговаривать дочери за то, что та задержалась, девушка сказала:

— Фильм шел дольше, чем мы думали.

— И ты сразу пошла домой? — с подозрением спросила мать.

— Конечно. Мистер Макдафф проводил меня, и мы тут же расстались. Кстати, мама он бы хотел зайти к нам на чай. Он вовсе не против познакомиться с тобой и с папой.

— Вот так сразу?! — всполошилась Эбби.

— Почему нет? Разве ты не хочешь его увидеть?

— Да, но он живет в роскоши, а у нас... — Эбби развела руками.

— Мне кажется, он не из тех людей, которые судят о вещах по их стоимости.

— Я должна посоветоваться с твоим отцом.

— Я сама поговорю с папой.

А Дилан Макдафф возвращался домой в весьма приподнятом настроении. Миранда Фишер казалась ему воплощением того, что он всегда мечтал найти в девушке. Целомудренная и в то же время откровенная, обаятельная, умная и гордая! Дилан жаждал заключить в объятия ее совершенную красоту и вместе с тем возвышенно преклонялся перед ней. Его тело и душу обжигало безумное желание, и приятно охлаждали романтические мечты. Он грезил наяву. Детали их разговора с Мирандой, ее взгляды, движения мелькали перед ним, как на экране. Пребывая в абсолютно расслабленном состоянии и будучи бесконечно далеким от действительности, Дилан содрогнулся всем телом от резкого окрика:

— Эй, ты, постой!

Он оглянулся: к нему приближалась темная фигура. Дилан остановился. Он много раз говорил себе, что должен быть сильным и храбрым. Что может быть хуже потери ощущения собственной личности перед нашествием грубой силы? В этом случае должна восторжествовать если не справедливость, то его собственная воля. Но он столько раз пугался самого себя, что ему ничего не стоило замереть от окрика незнакомого человека.

— Что вам нужно? — Дилан старался, чтобы его голос не дрожал, и пытался сделать все для того, чтобы волна паники не затопила его разум.

Навстречу шагнул молодой мужчина, неприятно дерзкий и поразительно уверенный в себе. От него исходило ощущение презрительной злобы.

— Ты не помнишь меня?

— Нет. Кто вы? И почему обращаетесь ко мне на «ты»?

— Потому что я тебя знаю. Ты был розовым поросенком, а сейчас превратился в бледную рыбину. Но твоя сущность не изменилась.

Дилан вздрогнул.

— Я вас не понимаю, — холодно произнес он, невольно вовлекаясь в разговор, — думаю, вы обознались.

— Ничего подобного. Когда-то я тебя ударил. А теперь способен убить, — просто произнес незнакомец, и Дилан сразу вспомнил один из кошмаров своего детства.

В те времена он терпеть не мог себя, неуклюжего толстого мальчика в нелепой одежде, не любил вечно суетящихся тетюшек с их назойливой опекой, его раздражало все, что его окружало. К тому же однажды какой-то уличный мальчишка ни с того ни с сего схватил его и принялся избивать! Дилан так и не понял, почему он сделался предметом столь неистовой ненависти. Но именно после этого он начал рисовать. Ему было необходимо уйти в какой-то другой мир. Он ощущал почти невыносимую потребность избавиться от того «я», которое его мучило. Сейчас его более-менее устраивала собственная внешность. А вот внутренние ощущения — нет. Случившееся полностью подтверждало это. Стоило какому-то дерзкому человеку грубо окликнуть его на улице, как его рассудок и самообладание оказались парализованными.

— Что вам от меня нужно? — повторил Дилан.

— Ничего. Просто если ты думаешь, что можешь заполучить все самое лучшее только потому, что у тебя есть деньги, то ошибаешься.

— Я никогда так не думал.

— Я тебе не верю и потому хочу предупредить: если ты решил увиваться за Мирандой Фишер, тебе не поздоровится!

Услышав имя Миранды из уст этого человека, Дилан был ошеломлен. Неужели они знакомы? Что еще такого есть на свете, о чем он не имеет понятия, что в очередной раз способно разрушить его мечты?! Невероятным усилием воли взяв себя в руки, он спокойно произнес:

— Я вас не боюсь.

Незнакомец ухмыльнулся.

— Нет, боишься.

Это была правда, которую знали оба.

— Я не желаю продолжать этот разговор. Дайте мне пройти! — нервно произнес Дилан.

— Так иди. Тебя же никто не держит.

Его в самом деле никто не держал, и Дилан понял, что вновь позволил завлечь себя в ловушку.

[1] Гиш Лилиан (1893—1993), одна из самых знаменитых и значительных актрис американского немого кино.

Глава восьмая

Нелл с замиранием сердца открыла дверь комнаты. Похоже, Хлоя спала или делала вид, что спит. На небе ярко сияла луна, ее блики усыпали помещение, как бриллианты. Нелл чудилось, будто она отделена от прежнего мира прозрачным, тонким, но твердым и прочным стеклом. Как быстро все произошло! И едва ли она теперь сможет достучаться до Хлои!

Вопреки ее ожиданиям, свидание закончилось хорошо. На обратном пути Кермит ни словом не обмолвился о фильме (который очень понравился Нелл), зато немного рассказал о себе, а также спросил, как и где она жила до приезда в Галифакс. А после продолжил увлекательное повествование о городе.

Нелл с изумлением услышала, что на кладбище Фэрвью-Лоун похоронено больше ста жертв крушения «Титаника»! Она мало что знала об этой катастрофе (как и вообще о том, что творилось на свете), и Кермит подробно рассказал, как считавшийся непотопляемым корабль столкнулся с айсбергом. Он столь красочно описывал, как волны захлестывают палубу тонущего судна, в то время как из груди несчастных пассажиров рвутся вопли о помощи, что девушке чудилось, будто она видит все это своими глазами. Кермит предложил Нелл провести ее на кладбище и показать ряды могил с памятниками из серого гранита, на многих из которых начертан только номер и дата смерти, и посмеялся над суеверными страхами девушки, когда она сказала, что грешно тревожить покой усопших. Потом серьезно добавил:

— Хотя на самом деле это ужасно. Не думаю, что нам доведется стать свидетелями подобной катастрофы. Хотя кто знает! Ведь реальная жизнь куда более непредсказуема, чем выдуманные фильмы.

— Как страшно быть похороненным безымянным!

— Думаю, мертвым все равно. Надо пожалеть тех, кто так и не узнал, что стало с их родными.

Проводив Нелл до дома, Кермит пригласил ее на новое свидание, и девушка согласилась. В нем было некое грубоватое, но властное обаяние, которому было трудно противиться.

Хлоя пошевелилась, и Нелл всей кожей почувствовала ее возмущение. Она хотела извиниться, но подруга заговорила первой:

— Ты ушла, ничего не сказав, попросту бросила меня! Что я должна была думать? Имей в виду, я больше не буду о тебе заботиться! Теперь-то я вижу, что ты всего лишь шлялась с парнем!

Этот тон и слова изменили намерения Нелл: на смену чувству вины пришли обида и упрямство.

— Я вовсе не шлялась! Я просто сходила в кино.

— С Кермитом Далтоном.

— Ну и что? Ты ревнуешь?

— Ревную? Пока что я в своем уме! А вот ты успела его лишиться, хотя прошло всего несколько дней, как ты приехала в Галифакс. Подумать только, для этого тебе стоило всего лишь раз сходить на танцы! Уверена, вскоре ты потеряешь еще кое-что. Кермит Далтон охотно тебе в этом поможет. Ну и пусть. Я не намерена за тобой присматривать.

— Да ты только и делаешь, что следишь за моим поведением! — с досадой произнесла Нелл.

— Я уже сказала, что больше не буду этого делать. Найди себе другую квартиру и живи как хочешь!

На губах Нелл задрожала жалкая улыбка.

— Хлоя, ты же знаешь о том, что у меня нет ни цента.

Подруга с иронией приподняла брови.

— Кстати, где деньги, которые я дала тебе на хлеб?

— У меня их нет. Когда я встретила Кермита, то уже купила булку.

— И куда ты ее подевала?

— Мы... мы ее съели.

Да, они так и сделали, а перед этим Кермит зашел в аптеку и взял себе и Нелл содовой воды. Булка оказалась удивительно свежей; Кермит разломал ее и протянул Нелл большой кусок. Когда она шла по улице рядом с красивым парнем, поедая мягкую сдобу и запивая ее прохладной содовой, ей чудилось, будто она дрейфует в океане блаженства.

Хлоя спустила босые ноги на пол.

— Чем он тебе понравился?

— С ним интересно.

Нелл показалось, что возмущение Хлои исчезло в одно мгновение. Ее лицо сделалось спокойным и серьезным. Чувствовалось, что она приняла какое-то решение.

— Ладно, знаю. Я встречалась с ним в прошлом году.

Нелл остолбенела. Сперва внутри сделалось пусто, а потом эту пустоту заполнила мучительная боль. Ей захотелось очутиться далеко-далеко отсюда. Закрыть глаза и ничего не видеть, заткнуть уши и ничего не слышать. И все же она заставила себя спросить:

— Между вами что-нибудь было?

— Ничего. Он два раза проводил меня до дому. Мы даже не целовались.

— А... потом?

— Я увидела его на улице, идущим под ручку с Беллой Макнейл. Эта девчонка успела погулять не с одним парнем. Уверена, Далтон переметнулся к ней, потому что сразу понял: от меня ничего не добьешься. А через некоторое время знакомые девушки рассказали, что он влюблен в Миранду Фишер, причем безнадежно и давно.

— Я встретила ее сегодня. Кермит смотрел на нее таким взглядом, что я сразу догадалась: это она, — призналась Нелл.

— Где ты ее увидела?

— В кино. Она была с молодым человеком.

— Вот как? И кто он?

— Не знаю. Я смотрела не на него, а на нее.

— Она красавица.

— Это правда. И все же... Хлоя, неужели я не могу понравиться Кермиту?

— Откуда мне знать! Он же позвал тебя в кино.

— И пригласил на второе свидание. Думаешь, мне не стоит идти?

Хлоя вздохнула.

— Иди. Только не позволяй Далтону воспользоваться твоей наивностью. Он тем и известен, что если захочет, найдет способ затащить девчонку в постель. А больше ему ничего и не нужно.

— Он даже не пытался меня поцеловать!

— Ничего, он сделает это во второй или в третий раз. А теперь давай спать.

Нелл послушно разделась и легла. Ей очень хотелось побольше узнать о Миранде Фишер, но она запретила себе спрашивать Хлою. Если она в самом деле хочет встречаться с Кермитом Далтоном, лучше вести себя так, словно у него не было и нет никаких иных увлечений.

Глава девятая

Как и следовало ожидать, Эбби Фишер была очарована гостем, его скромностью, грамотной речью и безукоризненными манерами. Она провела его в гостиную, где стоял круглый стол под пыльной скатертью, на котором были небрежно расставлены чашки из старого и уже неполного сервиза. К чаю были поданы пирожные со взбитыми сливками, на которые Дилан посмотрел с явным ужасом. Но он все-таки съел одно, при этом с ангельским терпением слушал рассказы Эбби о каких-то пустяках. Она допустила бестактность, сперва поинтересовавшись здоровьем его матушки (которая умерла, когда Дилану было два года), а после начав расспрашивать, почему и как это произошло.

Миранда в темном шерстяном платье, оттенявшем белоснежную кожу, которое она надела вопреки протестам матери, заявившей, что у него слишком глубокий вырез, с блестящими волосами, приспущенными полукружьями на уши, а сзади закрученными в изящный узел, с трудом сдерживала раздражение против родителей.

Колин Фишер, ввиду такого события вернувшийся из больницы раньше обычного, сначала спас положение, а после усугубил его, как всегда начав рассказывать о больных и раненых. Вероятно, он считал, что гостю будет интересно поговорить о войне, а также выслушать его соображения относительно положения в Европе. Ему тоже понравился Дилан. Мистер Фишер терпеть не мог напористых людей, старавшихся задавать тон, выставлявших свое богатство напоказ и вообще живущих на широкую ногу. Этот же юноша держался совсем иначе.

— Те, кто предлагает молодым канадцам вступать в армию, играют на их сокровенных чувствах, — говорил Колин. — А нашим юношам не приходит в голову, что никакие идеалы и принципы не могут быть важнее жизни. Суть в том, что гибель не бывает ни героической, ни благородной. Ни один мертвый не встанет и не скажет, стоит ли умирать. Но при виде покойников никому не покажется, что смерть хороша.

— Вы считаете, наша страна должна держаться в стороне от войны? — спросил Дилан с уважением молодого человека, прислушивающегося к мнению старшего.

— Нет, я так не думаю, потому что знаю: это невозможно. Отголосок столь масштабных сражений так или иначе долетит до всех уголков земли, отдастся пусть даже слабеньким эхом. Однако довольно того, что порт Галифакса является сырьевой базой, поставляющей боеприпасы в Европу, и что он принимает суда Антанты. Мы готовы отдать свою дань войне, но только не жизнями, только не жизнями!

— Бога ради, папа! — не выдержала Миранда. — Найди другую тему!

— Что поделать, если она злободневна! А мистер Макдафф лучше, чем кто-либо знает, что война — это нажива.

Было заметно, как сильно смутился Дилан.

— С началом войны фабрика стала работать с двойной нагрузкой, но, поверьте, ни отец, ни я...

— Я имел в виду вовсе не это! — перебил Колин Фишер. — Просто дочь сказала, что вы изучали экономику в университете Торонто.

— Это правда.

— А чем плох Далхаузи? Я сам в нем учился.

— Просто мне хотелось увидеть большой город, — уклончиво произнес молодой человек, а мистер Фишер проворчал:

— Вот-вот, на войну тоже идут, надеясь на новые впечатления. Хотя, по мне, только безумцы способны рассматривать эту бойню как шанс изменить свою жизнь. Впрочем, горлопаны, призывающие молодежь воевать, умеют разглагольствовать, как никто другой! Иные из них даже умудряются заявить, что война способна открыть человечеству новые горизонты!

Дилан подавленно молчал. Сам того не желая, Колин Фишер выставил их с отцом хладнокровными дельцами, которые наживались на крови и несчастьях людей! Будучи врачом, отец Миранды спасал людей, причем зачастую бескорыстно, жертвуя всеми силами, а что делал Грегори Макдафф? Снабжал фронт галетами, беззастенчиво набивая свои карманы деньгами! Дилан знал, что с начала войны семейное состояние увеличилось в несколько раз. И он... он был единственным наследником этого состояния.

Вскоре доктор Фишер, извинившись, удалился к себе. Ему было необходимо как следует отдохнуть перед завтрашним днем: с утра ожидалось прибытие корабля, нагруженного ранеными. Эбби милостиво позволила дочери «показать мистеру Макдаффу комнаты», и Миранда провела Дилана к себе.

По сравнению с другими помещениями, обстановка в комнате девушки была почти спартанской. Безликие безвкусовые обои (кое-где Дилан заметил грязные подтеки), никаких салфеточек, безделушек и подушечек. Только книжные полки. И, конечно, зеркало. Еще на стене висело несколько фотографий, выполненных несколько лет назад с помощью фотопластин. Дилан обрадовался, увидев, что на большинстве из них запечатлен Галифакс. Это облегчало переход к разговору о его рисунках. Но прежде ему хотелось помолчать, глядя на Миранду и наслаждаясь тем, что он видит. Это длилось недолго. Нервно сжав руки, девушка сказала:

— Я прошу прощения за поведение своих родителей. Они никогда не задумывались о том, что говорят.

— А мне показалось, они говорят именно то, что думают. По-моему, у вас довольно дружная семья.

— Не знаю. Мама всегда заботилась только о себе. А отец был поглощен своими больными.

— А мой — фабрикой.

— Я заметила, что вам не понравились пирожные, — вспомнила Миранда. — Мама купила их в кондитерской на углу. Наверняка, по сравнению с бисквитами, которые производит фабрика вашего отца...

— Нет-нет, — поспешно перебил Дилан, — дело в том, что я вообще не ем сладкого. Миранда насторожилась.

— Почему? Проблемы со здоровьем? — Ей хватало постоянных жалоб матери.

— Просто не люблю. Причем с самого детства.

Неожиданно девушка рассмеялась.

— Вижу, у нас с вами много общего! На фабрике вашего отца делают столько вкусовостей, а вы их не едите. Мой отец врач, а я не могу слышать о болезнях и страданиях людей и уж тем более видеть все это!

— Да, такова ирония судьбы. Как говорят, мало кому удается и выпекать торты, и лакомиться ими. Порой самое главное от нас не зависит.

Услышав его слова, Миранда была поражена: то же самое говорил Кермит Далтон! Она хорошо запомнила его фразу: «Мне с детства пришлось познать один жестокий закон: от нас ничего не зависит». Хотя, глядя на Дилана, ей хотелось сказать: «Неужели вы, человек, у которого столько денег, не способны распоряжаться своей жизнью?»

— Наверное, вы правы, — довольно сдержанно произнесла она, — а вот мой отец — далеко не во всем. Если говорить о войне, то кое на что она все-таки повлияла и в положительном смысле. Взять хотя бы моду.

— Я плохо разбираюсь в этом.

— Но вы хорошо одеваетесь, — заметила Миранда.

— Просто покупаю то, что мне нравится.

«Если бы я могла делать то же самое!» — с досадой подумала девушка.

Поскольку она продолжала благосклонно улыбаться, Дилан спросил:

— Как вы думаете, теперь ваши родители позволят мне приходить к вам?

— Надеюсь, что да. Если вас не отпугнула обстановка нашего дома.

— Мне у вас нравится.

— Разве вы не замечаете, что на всем, что вас сейчас окружает, лежит печать запустения?

«Тем разительней по контрасту кажется ваша красота!» — хотел сказать Дилан, но не осмелился. Поскольку он молчал, Миранда задала очередной вопрос:

— Вам было интересно учиться?

— Вовсе нет. — Дилан обрадовался тому, что может быть откровенным с ней. — Меня никогда не привлекали точные науки. Просто я единственный сын своего отца, и мой долг изучать то, что пойдет на пользу делу. По крайней мере, так мне всегда говорили.

— А что вы любили или любите?

Он набрал в легкие побольше воздуха, словно собираясь броситься в глубину океана, а потом просто произнес:

— Рисовать.

— Вот как? — в глазах Миранды вспыхнул огонек любопытства. — И что вы рисуете?

— То, что вижу вокруг.

— Людей?

— Нет. Мне кажется, я плохо знаю человеческую натуру, поэтому в основном это пейзажи.

— Вы мне покажете?

— Покажу. Я принес их с собой.

— И где они?

— Я оставил папку в прихожей.

— Мне не терпится их увидеть!

Дилан радостно встрепенулся.

— Хорошо, я сейчас принесу.

Миранда не ожидала, что он так хорошо подготовился: подумать только, даже взял с собой папку! Она с нетерпением и одновременно с тревогой ждала, пока он развяжет тесемки и вытащит пачку листов с акварелями.

Зарисовки Торонто выглядели жесткими и холодными. В них ясно ощущалось чувство оторванности, некая опустошенность. Зато пейзажи Галифакса были великолепны. Хотя Миранда плохо разбиралась в живописи, она с уверенностью могла сказать, что на этих рисунках прекрасно изображена погода, изумительно передана атмосфера; они дышали, жили и невероятно притягивали к себе. Они не казались статичными, им была свойственна некая волшебная изменчивость. На этих рисунках была запечатлена, на первый взгляд, ничем не примечательная жизнь небольшого провинциального городка во всех ее проявлениях. Стальные нити мостов, дым уходящего поезда, мелкая зыбь в заливе. И корабли, корабли, корабли. А какие цвета! На акварелях Дилана даже банальный серый имел удивительно много оттенков. Миранда поняла, что он решил показать ей свои рисунки не для того, чтобы похвастать и проинформировать впечатление, а потому что хотел поделиться с ней сокровенным. Дилан смотрел на девушку тревожным, почти умоляющим взглядом.

— Вам нравится?

Она решила не кокетничать с ним и не мучить его. Дилан был человеком, с которым легко быть откровенной.

— Очень! Вы где-то учились?

— Нет.

— Хотя вам и не нужно. Вы художник от Бога.

— Не думаю. Просто я всегда посвящал этому занятию очень много времени, — ответил Дилан и попросил: — Только никому не рассказывайте, хорошо?

— Не расскажу. Я рада, что вы поделились со мной своей тайной.

— Ваше мнение значит для меня слишком много!

— На самом деле я не разбираюсь в живописи. Я только знаю, что в нашем мире все, в чем есть душа, воистину бесценно.

— Миранда! — восхищенно воскликнул он и тут же спросил: — Вы не сердитесь, что я назвал вас по имени?

— Нет. Только не делайте этого при родителях, — ответила девушка, чуть не добавив «пока не делайте».

Ей захотелось как-то поощрить Дилана, приблизить его мечты к реальности, и она сказала:

— Хотите потанцевать? Правда, без музыки, но я могу напеть какую-нибудь мелодию!

— И, не дожидаясь его ответа, запела модную песенку.

Дилан был сражен пикантностью ситуации и неожиданной смелостью Миранды, а особенно близостью ее тела. Обняв девушку за талию, он почувствовал под рукой твердые пластинки корсета. Он слышал шелест ее нижней юбки, вдыхал аромат ее кожи, и эти мгновения казались ему прекраснейшими мгновениями на свете. И все-таки Дилан чувствовал, что в его душе поселилась крохотная червоточинка. Ему очень хотелось знать, какие отношения связывают Миранду Фишер с тем человеком, который напугал его в подворотне! От него исходило ощущение бесстрашия, безрассудства, желания рисковать, чего никогда не было в самом Дилане. Поэтому последнего мучили подозрительность и ревность, то, в чем он не мог признаться Миранде.

Глава десятая

Кермиту Далтону снилось, будто он лежит поперек двух параллельных, блестящих, отливших металлом стержней, а над головой сияет пустое синее небо. Откуда-то доносится ужасающий грохот. Вскоре он понимает, что под ним рельсы, а шум — это звук приближающегося поезда. Он не может встать, он вообще не в силах сдвинуться с места. Кермит пытается закричать, но из его горла вырывается лишь нечто, похожее на комариный писк. И тогда он стискивает зубы. То был один из повторявшихся детских кошмаров, не оставивших его даже тогда, когда он стал взрослым. Ведь его отец погиб точно так же, причем неизвестно, сделал ли он это добровольно или под влиянием помешательства. Когда его нашли, у него были отрезаны ноги, и все-таки он еще не умер, это случилось в больнице спустя несколько часов. И все это время его сын просидел рядом, отчаявшийся, неподвижный и бледный, похожий на безмолвно молившегося истукана.

Как обычно, Кермит проснулся до того, как его смяла грохочущая громадина. Сны тем и отличались от жизни, что в них нельзя умереть. Зато там возможно все остальное. Кермит знал, что любые чувства способны задушить человека, если позволить им пустить корни и разрастись. Потому он быстро встал, оделся и умылся, пытаясь думать о том хорошем, что предстоит ему этим днем. Кермит далеко не всегда просыпался от кошмара: чаще от шума близкого порта и от восходящего солнца, лучи которого били сквозь тонкие занавески, озаряя вопиющую убогость его жилья.

Он снял эту комнатку в самом бедном районе Галифакса два года назад, потому что ничего другого не подвернулось и ни на что иное тогда и не было денег. Да так и остался тут. Многие ощущали себя в безопасности в этом доме только тогда, когда двери были крепко заперты на ключ, а еще лучше — заложены палкой или шваброй. Но Кермит не относился к их числу. Он охотно спустил бы с лестницы любого, кто посмел бы нарушить его пространство, состоящее буквально из нескольких футов, на которых с трудом помещались кровать, тумбочка, стул и переносная газовая плитка, точно такая, как в комнате Хлои Чапман, только залитая сбежавшим кофе и заляпанная жиром от бекона. В комнате было маленькое окно с перекошенными створками, облупившиеся стены и некрашеный пол. Впрочем, это не имело значения. Зачастую Кермит приходил сюда только спать, да и то, если не оставался ночевать у очередной подружки. Иногда какая-нибудь девушка соглашалась прийти к нему, хотя в своей комнате ему нравилось быть одному.

Сегодня его душу согрела мысль о свидании с рыжей девчонкой по имени Нелл. Почему он связался с ней? Кермит любил все яркое, и его поразили ее будто сделанные из медной проволоки волосы, словно обрызганные солнцем щеки, а еще — удивительно живые глаза, смотревшие на мир любознательно, наивно и страстно. Кермит знал: стоит ему захотеть, и их отношения зайдут как угодно далеко. Но он еще не решил, надо ли это делать. За строгой красоткой стоит ухаживать с серьезными намерениями, а таковых он не питал. Вместе с тем если соблазнить честную, но податливую девушку, сложностей не оберешься, поскольку ей тоже захочется под венец. Впрочем, девицы с опытом ему порядком надоели. Если хочешь чего-то подобного, куда проще пойти в бордель. А он жаждал свежести, искренности и новизны. Только такая девушка могла помочь ему хотя бы на время забыть Миранду.

Кермит довольно долго встречался с Нелл, прежде чем впервые поцеловал ее в кино. Сперва она запаниковала, но быстро расслабилась, и теперь он раздумывал, не пригласить ли ее к себе для более тесного знакомства. К Нелл так и иначе не удастся пойти, потому что она до сих пор жила с подругой.

Как недавно выяснилось, этой подругой была Хлоя Чапман, которую Кермит пару раз проводил домой. То было досадное недоразумение, но он разрядил обстановку, уверив Нелл,

что между ним и Хлоей не было ничего «такого» (что, впрочем, являлось чистой правдой) и что он расстался с ней потому, что она показалась ему чопорной и скучной (тут он тоже не солгал). Однако Кермит представлял, что могла наговорить о нем Хлоя: ведь она жила в Галифаксе два года и постоянно посещала танцы, с которых он почти всегда уходил с новой девушкой.

Под каким предлогом можно позвать Нелл в комнату, где нет ни собрания сочинений известных поэтов, ни коллекции старинных гравюр? Кермит усмехнулся. Надо что-то придумать! Если девушка влюблена, рано или поздно она все равно поддается уговорам. Так, несколько дней назад Нелл все-таки согласилась прогуляться на кладбище, невзирая на все свои суеверия, и они нашли кучу могил жертв крушения «Титаника». Кермит живо интересовался темой катастроф и внезапных смертей. Гибель тоже бывает разной. Иногда мысли о смерти убаюкивают и успокаивают. А порой она предстает резкой и сильной, словно удар грома или вспышка молнии.

Сегодня вечером Кермит решил потратиться на кафе, куда еще ни разу не водил Нелл: он знал, что она будет в восторге. Он с легкостью мог делать ей приятное хоть каждый день — это почти ничего не стоило. А вот Миранде не было нужно ничего из того, что он хотел бы ей предложить. В том числе и его любовь. Эта девушка невольно внушала ему мысли о том, что несмотря на все свои похождения и приключения, он не добился и не добьется ничего значительного ни в любви, ни в работе, ни вообще в жизни.

Когда он пригрозил «набить морду этому выскочке Макдаффу», который обнаглел до того, что начал захаивать в дом Фишеров, как в свой собственный (Кермит несколько раз проследил за Диланом, а потом едва ли не был под окнами девушки, как бездомный пес), Миранда ответила:

— Это вовсе не тот поступок, каким мог бы гордиться нормальный человек.

Кермит знал, что она совершенно права. Закончив работу, он решил подождать Нелл у ворот фабрики. Он уже давно встречал и провожал ее, не таясь, а сегодня впервые подумал: а не сделать ли ее своей постоянной подругой? Миранду Фишер пора оставить в прошлом. Пора оставить в прошлом все, что мешает ему жить полноценной жизнью.

Кермиту показалось, что Нелл чем-то расстроена. Она выглядела удрученной и хмурой, что еще больше подчеркивала старая немодная одежда, которую она носила до сих пор.

— Что-то случилось? — спросил молодой человек, когда она подошла к нему.

Нелл вздохнула. В кармане ее жакета лежало письмо от матери. Кашель, начавшийся у Клементины Бакер еще зимой, никак не проходил. Нелл несколько раз посылала матери деньги и лекарства, из-за чего так и не смогла одеться получше и снять собственное жилье. Она решила сказать правду:

— Мама больна, и я не знаю, чем ей помочь. Пока я смогу еще что-нибудь ей послать, пройдет не меньше двух недель.

— Эти Макдаффы прижимистые люди! — охотно подхватил Кермит. — Платят работникам гроши, тогда как у самих карманы набиты деньгами! Ненавижу этих jobeur[1]!

Мысль о том, что Нелл, как и Миранда, по-своему находится в руках Дилана Макдаффа, вызывала в нем раздражение, даже злобу.

— Мне прибавили жалованье, и для меня одной этого вполне бы хватало, просто лекарства слишком дорогие.

— Давай я дам тебе денег, — предложил Кермит. — Сейчас я получаю достаточно.

— Нет-нет! — Нелл замотала головой.

Зря она заговорила с ним о деньгах. Хлоя предупреждала о том, что ни в коем случае нельзя брать деньги у парня: в этом случае он может потребовать взамен конкретной награды.

— Тогда позволь мне немного поднять твое настроение. Ты хочешь есть?

— Да.

— Пойдем, поужинаем в кафе.

Лицо Нелл озарила улыбка.

— Хорошо.

Они пошли по набережной. Стояла пасмурная погода, небо сочилось мелким дождем. Пирсы мигали красноватыми огоньками. На ближайшем корабле зажегся прожектор, осветивший его мокрую палубу и ближайший кусочек берега. Кермит обнял Нелл за плечи, а потом наклонился и поцеловал. У него были горячие руки и губы, и в такие минуты он заставлял ее забывать обо всем. Ей чудилось, будто в нее перетекают его напор, сила и страсть. Целуя Нелл, Кермит раскрывал не только ее губы, но и душу, извлекая то потаенное, о чем она прежде и не догадывалась.

В маленьком кабачке в районе порта было накурено и тесно. Там шумели и пили пиво. Однако Кермит провел Нелл в отдельное помещение за перегородкой, где усадил на деревянную скамью.

— Здесь подают великолепные ростбифы и такой отличный жареный картофель, что пальчики оближешь. А еще мы возьмем бутылку вина.

Пока они ожидали заказ, Кермит заговорил о пикнике. Он знал прекрасное место, где росли белые канадские сосны, гладкие и стройные, как девичьи ноги, и маленькое озеро, спокойная гладь которого напоминала гравировку по стали. Где за будто спящими лесами высились синие горы. В выходной они с Нелл могли бы взять покрывало, еду и поехать туда хоть на весь день, если, конечно, погода будет хорошей.

Когда принесли вино, Кермит, не слушая протестов Нелл, до краев наполнил ее бокал.

— Я хочу кое-что сказать.

Сделав паузу, он посмотрел ей в глаза, и сердце девушки замерло от предвкушения желанного признания. Но Кермит заговорил о войне.

— Я собираюсь на фронт. Уже был на пункте, скоро мне пришлют повестку.

— Зачем тебе на войну?! — вырвалось у Нелл, и лицо Кермита сделалось жестким.

— Если не понимаешь, лучше не спрашивай. Если мужчина нигде и никогда не проявлял героизма, то это вовсе и не мужчина, а какой-нибудь... Дилан Макдафф!

— Сын хозяина фабрики, где я работаю? При чем тут он? За что ты его не любишь?

— Да просто так. А ты его видела?

— Нет. Но говорят, он очень красив.

Кермит скрипнул зубами.

— Смотря на чей вкус. Если ты предпочитаешь дохлую рыбу, тогда конечно.

— Я давно хотела тебя спросить, — голос Нелл слегка дрожал, но она твердо решила «сейчас или никогда», — я много слышала о том, что ты неравнодушен к одной девушке, Миранде Фишер. Скажи, это правда?

На мгновение Кермит окаменел, а потом небрежно откинулся на спинку стула. Его зеленые глаза, как и прежде, горели ярким гипнотическим огнем.

— Отчасти. Это просто застарелая привязанность. Было время, я считал себя одиноким, а она оказалась рядом. На самом деле мы очень разные. Сейчас мне нравишься ты.

У Нелл зазвенело в ушах, а лицо залила краска.

— Но она очень красива!

— Ты тоже.

— Она дочь врача, а я простая фабричная работница.

— И что с того? А кто такой я? Постоянного занятия у меня нет, берусь то за одно, то за другое. Хорошо, что сейчас в порту работа просто кипит и требуется много рук!

Нелл слышала, что с началом войны порт рос если не с каждым часом, то с каждым днем. Шли работы по углублению причальных мест, не прекращалось строительство новых пирсов.

Неудивительно, что там пригодились энергия и сила Кермита. Между тем он продолжал смотреть на нее со странным напряжением, словно стараясь проникнуть в душу.

— Послушай, Нелл, я хочу, чтобы ты дождалась меня с фронта.

— Конечно, дождусь! А если тебя... — Она прикусила губу, а он рассмеялся.

— Меня не убьют. Со мной вообще ничего не случится. Если бы ты знала, сколько раз я рисковал! Стоял на рельсах перед идущим поездом, отскакивая в последний момент, прыгал в воду с самых высоких круч, проплывал между бортами кораблей, стоявших так тесно, что, казалось, они способны меня раздавить.

— Зачем ты это делал?

— Пытался избавиться от страха смерти.

— У тебя получилось?

— Не знаю, но я понял, что смерть меня не берет, — сказал он и вручил ей бокал. — Пожалуйста, выпей за мою удачу!

Принесли жареный картофель и ростбиф. Еда выглядела и пахла так, как она бы выглядела бы и пахла в раю, если там вообще есть еда. Кермит ел с большим аппетитом, а потом заказал им с Нелл еще по чашке кофе. Он много говорил, шутил и смеялся, и она не заметила, как выпила бутылку вина с ним пополам. Его черные волосы растрепались, глаза сверкали, как изумруды, лицо было смуглым, а зубы белыми. Глядя на него, Нелл думала о том, что вполне могла бы подчинить свою жизнь жизни другого человека. Этого мужчины.

[1] Слово из франко-канадского жаргона, означающее «работодатель».

Глава одиннадцатая

Когда Кермит и Нелл вышли на улицу и прошли с полквартиры, хлынул ливень. Молодой человек сразу решил, что этот дождь — подарок судьбы. Ничего не случается просто так! Нелл вымокла и дрожала. Ее волосы, облепившие голову, походили на бронзовый шлем. Вода падала стеной, отчего казалось, будто все вокруг соткано из мутных теней. Этот ливень должен был ознаменовать конец зимы и начало весны, начало истории новых отношений.

— Давай зайдем ко мне! — Кермит старался перекричать грохот падающей воды. — Это совсем близко. Тебе надо обсохнуть: если ты заболеешь, твои хозяева не заплатят тебе ни гроша!

Не дожидаясь ответа, он схватил девушку за руку и повлек за собой.

Его жилье произвело на Нелл удручающее впечатление. Загаженный двор, захлавленная лестница, темные коридоры, ободранные стены и грязные окна. Однако все это, по-видимому, ничуть не смущало Кермита.

— Давно хочу переехать, да все лень. Много ли надо одинокому мужчине?

Похоже, он не лгал: в его комнате не чувствовалось ни малейшего присутствия женщины. Но почему он привел ее сюда? И зачем она пришла? Нелл робко присела на стул. Заметив, как напряглась ее спина и сжались колени, Кермит непринужденно промолвил:

— Ты насквозь промокла. Сними хотя бы жакет. А я тем временем согрею чай.

Пока он возился с плиткой, Нелл повесила жакет на спинку стула. В ее ботинках хлюпала вода. Пожалуй, после такого ливня одежда не просохнет и за неделю!

Видя, что Нелл не перестает дрожать, Кермит сказал:

— Раздевайся. Завернешься в простыню.

Когда она помотала головой, он подошел к ней и расстегнул блузку. В следующий миг ее грудь легла в его ладонь так просто, словно ей было предназначено находиться именно там. Кермит слегка разжимал и сжимал пальцы, тогда как его губы сомкнулись с губами Нелл. Она попыталась отстраниться и прошептала:

— Пожалуйста, не надо!

Она сопротивлялась вяло, поэтому Кермит и не подумал останавливаться. Нелл охватили странные чувства. С одной стороны, она боялась того, что может произойти, с другой — не решалась ему отказать. Такому парню ничего не стоит переметнуться к более покладистой девушке! Но кем будет она, если все-таки согласится?

Вскоре блузка валялась на полу, а сама Нелл лежала на кровати, и вся ее одежда пришла в такой беспорядок, что было бы проще скинуть ее совсем. Думая о том же, Кермит освободил ее от юбки и нижнего белья. Он не давал ей ни освоиться с новыми ощущениями, ни даже вздохнуть. Однако то была не только пытка, но еще и блаженство. Его руки «там» и «тут», жгучие поцелуи, хриплое дыхание и бессвязные слова сводили Нелл с ума.

Быстро вскочив, он рывками стянул с себя одежду. У него было сильное, смуглое, красивое тело. В следующий миг он навалился на Нелл всем своим весом. Резкая вспышка боли — и он вошел в ее тело. У нее перехватило дыхание. Утоляя свой голод, он двигался быстро и резко, и Нелл понимала, что в эти минуты он вовсе не о ней не думает, его не тревожат ее чувства. Она ощутила усталость и опустошенность в мозгу, душе и теле. А главное — в сердце. Ей захотелось как можно скорее уйти отсюда.

Наконец он затих, лежа на ней, потом откатился в сторону, а через минуту встал с постели.

— Мы забыли о чае. Сейчас попьем.

— Я не хочу. Мне надо домой.

Увидев, что Нелл едва не плачет, Кермит сел на постель и погладил ее по волосам.

— Каждый день сотни девушек теряют невинность. Счастье, если это происходит с тем, кого они любят и кто любит их. Но в любом случае в этом нет ничего страшного. В следующий раз тебе будет лучше, я обещаю. Я хочу, чтобы ты осталась на ночь, потому что утром из окна можно увидеть, как над гаванью поднимается солнце.

— Что скажет Хлоя, если я не приду ночевать? — прошептала Нелл, от которой не ускользнули слова о любви, которых она так долго ждала. Хотя Кермит и не сказал напрямую, что он ее любит.

— Неважно, что она скажет. Главное, ей не удастся изменить то, что уже случилось.

Заснув в его объятиях, Нелл наконец успокоилась и согрелась. На рассвете Кермит разбудил ее поцелуем, а после заставил подняться и подвел к окну. Красное солнце было огромным; казалось, оно занимает половину неба. По воде бежали оранжевые блики, и на ней лежала полоса глубокой тени от перекинутого через гавань моста, казавшегося призрачным, словно радуга. В вышине парили птицы, и растворялись ночные облака. Слышалась мерная пульсация просыпающихся судовых механизмов и нестройные гудки множества кораблей.

Кермит стоял рядом с ней, обнаженный, гибкий и сильный, стоял, любовно и властно положив руку ей на плечи, и в эти мгновения Нелл думала о том, как хорошо вот так вместе встречать рассвет. Всегда, до конца своей жизни.

Глава двенадцатая

— Я познакомился с девушкой, на которой хочу жениться, — сказал Дилан отцу, и в кабинете стало так тихо, что было слышно, как откуда-то снизу, там, где тянулись ряды подносов с бисквитами, возвышались штабеля хлебных буханок и высились пирамиды коробок с печеньем, доносится грохот поддонов и скрежет печей.

Грегори Макдафф выпрямился в кресле. Иногда он поражался способности сына находиться не в том времени и не в том месте. Еще в детстве Дилан часто уходил в свои мысли, а потом с трудом возвращался к действительности. Подумать только, минуту назад они обсуждали очередную крупную поставку товара в Европу и вот, пожалуйста: Дилан говорит о какой-то девушке! С одной стороны, мистер Макдафф-старший был рад тому, что сын, наконец, обратил внимание на прекрасный пол, но с другой — почему сразу брак?! Он неохотно отложил бумаги.

— Кто она?

— Дочь врача галифакской больницы Колина Фишера.

— Это мне ни о чем не говорит, кроме разве того, что она тебе не пара.

Дилан словно повис в пустоте, где нет ни атмосферы, ни жизни. Он с трудом произнес:

— Почему?

— Ты даже не представляешь, сколько девушек и их родителей мечтают увидеть тебя своим мужем и зятем!

— Миранда не корыстная. А еще она очень красивая.

— В последнем я нисколько не сомневаюсь, чего не скажешь о первом.

— Как ты можешь так говорить, ведь ты ее не знаешь!

— Я знаю гораздо больше, чем тебе кажется.

— Почему ты женился на маме? — Голос Дилана дрогнул. — По расчету? Ты часто о ней вспоминаешь?

Грегори недовольно повел плечом. Прошрое, которое причиняет боль, лучше забыть. После смерти супруги у него были женщины, но он не женился ни на одной: не нашлось ни похожей, ни достойной. А еще он всегда думал о будущем Дилана.

— Разумеется, вспоминаю. Она подходила мне, это так. И, конечно же, нравилась.

— Миранда мне тоже нравится. Даже больше — я ее люблю. И мы подходим друг другу!

Мы одинаково думаем и чувствуем.

— На свете нет двух одинаковых людей. Все это иллюзии.

— Словом, — подвел итог Дилан, — ты не хочешь с ней познакомиться?

Грегори пожал плечами.

— Я могу взглянуть на нее, но зачем? Сперва ты должен как следует изучить производство, а устройством твоей личной жизни мы займемся потом.

— С этим я как-нибудь сам разберусь!

Резко поднявшись, Дилан отшвырнул стул и устремился к дверям.

— Ты куда? Мы еще не закончили!

— Я закончил. И я возьму машину. Без Томаса. — Это прозвучало, как утверждение.

— Мы с Мирандой едем за город. А еще я недавно побывал на призывном пункте. Я займусь делами фабрики, отслужив в армии.

Услышав это, Грегори мигом утратил невозмутимость и вцепился дрожащими руками в крышку массивного дубового стола.

— Дилан! Мой мальчик! Ты сошел с ума! Ведь я уже не молод и не вполне здоров! Ты хочешь свести меня в могилу? Ты не создан для войны! Тебя же убьют!

— И ты туда же! Вот я и хочу доказать, что тоже способен *убить*, — холодно произнес сын.

Спустя полчаса он ждал Миранду рядом с автомобилем. Ничто не выдавало его смятения и досады. Дилан устроил эту прогулку, чтобы попросить Миранду выйти за него замуж, а в результате отец все испортил! И как теперь быть?

Увидев Дилана в пальто для автомобильной езды, модном кепи, белом шелковом кашне, темных очках и кожаных перчатках с крагами, Миранда радостно улыбнулась. Сейчас он выглядел решительным, непоколебимо уверенным в себе человеком. Ей нравились именно такие мужчины. Она подошла к нему, сияя улыбкой, и он тотчас открыл перед ней дверцу шикарной машины.

— Вы сами водите?

— Пока не слишком уверенно, у меня еще мало опыта. Но вам не стоит беспокоиться: мы поедем по хорошей дороге.

Когда они тронулись, Миранду охватило настроение, какое она испытывала, видя блеск огней, вдыхая аромат роз или слыша красивую музыку.

— Куда мы направляемся?

— За город. Не волнуйтесь, это недалеко. Мы устроим пикник прямо в машине. Надеюсь, вы не против?

— Конечно, нет. Кстати, Дилан, я давно хотела спросить: почему в свое время вы уехали в Торонто? Вам не нравился Галифакс или это было связано с вашей семьей? Мне кажется, мой отец прав: Далхаузи — хороший университет.

Автомобиль замедлил ход.

— Сложный вопрос. Скорее, я пытался убежать от самого себя, не осознавая, что это невозможно. Что касается Галифакса... Прежде мне казалось, будто, в отличие от крупных собратьев, этот город противится современности, что ему свойственна провинциальная романтическая. — Он говорил о Галифаксе так, словно тот был живым существом. — Все изменилось с началом войны...

— Вы еще не передумали вступить в армию? — спросила Миранда, и Дилан осторожно ответил:

— Я пока не решил.

Поскольку дорога была пустынной, он ускорил движение. Мимо проносились прямые, высокие, как корабельные мачты, сосны, дубы, с сильными, словно мускулистыми, ветвями. Казалось, где-то в лесной глуши скрываются тропы, на которые не ступала нога белого человека и где сохранились следы индейских мокасин. Дилан думал о красках окружающей природы. Он внимал им, удивительным, прекрасным, иногда неправдоподобным. Он обожал нежные цвета, розовые, голубые, сиреневатые и лиловые. Оттенки неба на заре, переливы морских раковин, прозрачность тумана и дыма: для него они были так же реальны, как плоть и кровь. Они словно являлись частью его самого. Очутившись за городом, он больше всего на свете хотел бы вынуть бумагу, кисти и рисовать. Но этот день был посвящен Миранде.

Остановив машину, Дилан достал бумажный пакет с жареными куриными крыльями и печеным картофелем, сверток с хлебом и сыром и бутылку вина.

— Тут много еды, правда, она довольно простая, хотя, — он улыбнулся, — и лучше, чем пеммикан[1]! Миранда, вы выпьете?

— А почему нет? — В ее голосе прозвучали игривые нотки.

После первого памятного танца Дилан больше не решался обнять Миранду, а она думала о том, когда же он ее поцелует. Не то чтобы она этого желала, просто ей хотелось почувствовать себя современной и взрослой девушкой.

Они пили и ели, наслаждаясь уединением, ароматами природы и присутствием друг друга. Разумеется, Дилан жаждал большей близости с Мирандой, но он был настолько скован

и так сильно ее уважал, что просто не знал, как к этому подступиться. К счастью, на помощь пришла праматерь Ева. Дилан даже не понял, как и когда голова Миранды легла на его плечо, а его рука обвила ее талию. А потом она повернула к нему лицо, и их губы соприкоснулись. Они долго целовались, благо вокруг не было ни души. Внутри существа Дилана словно раскрылись шлюзы, и неведомый поток устремился к столь же неизведанному руслу. Этого оказалось достаточно для того, чтобы он решился сделать признание:

— Я люблю вас, Миранда! Выходите за меня замуж!

К его неудовольствию, она отстранилась.

— Разве ваш отец не будет против нашего брака?

Дилан постарался не показать, насколько сильно удручен ее реакцией: он не мог понять, почему Миранда заговорила о его отце, сразу перешла к практической стороне дела? Ведь он только что признался ей в любви! Дилана сразил ее холодный деловой тон. И еще ему почудилось, будто Миранда ждала этого предложения.

— В данном случае все решаю я, — уверенно произнес он.

Его руки, мгновение назад обнимавшие девушку, твердо легли на руль автомобиля. Поняв, что повела себя неправильно, Миранда попыталась исправить положение:

— Просто я всегда боялась, что мы не пара, что такой богатый человек, как вы, никогда не женится на простой и бедной девушке!

— Все это глупости! Я же люблю вас! А вы меня любите?

У него были правильные, почти классические черты лица, тонкие нервные руки с длинными пальцами — руки художника, в растрепавшихся от ветра белокурых волосах сверкало солнце, а в прозрачных глазах отражалось небо. Он был хорошо одет и сидел за рулем шикарной машины. Он жил в роскошном особняке, а его отец был владельцем огромного предприятия. Почему бы ей не попытаться полюбить *такого* человека?

— Не торопитесь. Все это так неожиданно. Мне нужно разобраться в себе. Да, я думаю, что люблю вас, но я отвечу вам позже, хорошо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.